

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО»

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

ГРОМ ПОБЕДЫ,
РАЗДАВАЙСЯ!

ЕГЕРЬ ИМПЕРАТРИЦЫ

10

Егерь Императрицы

Андрей Булычев

**Егерь императрицы.
Гром победы, раздавайся!**

«Автор»

2023

Булычев А.

Егерь императрицы. Гром победы, раздавайся! / А. Булычев — «Автор», 2023 — (Егерь Императрицы)

Дивизия Суворова разгромила османские армии под Фокшанами и при Рымнике, путь на Стамбул открыт. Но у Его Светлости князя Потемкина-Таврического неотложные дела в Санкт-Петербурге. Приказ войскам — стоять на зимних квартирах и до его возвращения никаких действий не предпринимать! — Упустим турку, опять его штыком из-за крепостных стен выковыривать! — ворчат бывалые солдаты-гренадеры. — Пора бы уже полковым барабанам сигнал «в атаку» и «на штурм» бить!

Содержание

Часть I. Война в Валахии	5
Глава 1. На Буге	5
Глава 2. Николаевская верфь	11
Глава 3. В дороге	17
Глава 4. Бой на хуторе	23
Глава 5. Бырлад. Весеннее стояние	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Булычев

Егерь императрицы.

Гром победы, раздавайся!

Часть I. Война в Валахии

Глава 1. На Буге

За ногу тихонько потянули, и, заглянув под стол, Лешка оказался лицом к лицу с Коленкой. На него внимательно и пристально смотрели такие же большие карие глаза, как и у Катарины.

– Ну, пошли, пошли ко мне, сынок. – Алексей протянул руки к мальчику. – А я тебе сейчас про пушки расскажу и про то, как солдаты в барабаны громко бьют.

– А про лошадку ты мне тоже расскажешь? – полушепотом спросил малыш, с опаской поглядывая на протянутые к нему руки. – У тебя ведь есть лошадка, да, дядя?

– Про лошадку я обязательно расскажу, обещаю, – ответил с улыбкой Лешка. – У меня гнедой конь есть, он очень красивый! Его Орликом зовут. И у него на лбу такая белая-белая звездочка есть, вот прямо посередине лба, между глазами, – потер он пальцем переносицу. – А еще мой Орлик сухарики и хлеб с солью очень любит кушать, ну или яблочко. Он так забавно хрустит им, вот так: хрум, хрум, хрум. Хочешь, мы с тобой вместе его потом угостим?

– Да, хоросо, дядя, – кивнул малыш и сам протянул ручки вперед.

– Коленка, это же твой папа, это не дядя, – сидящая рядом с Алексеем на лавке Катарина погладила малыша по голове. – Просто он очень долго был на войне, и ты его немного забыл. Но ничего, теперь-то он уже будет долго рядом с нами, – и она погрозила пальцем Лешке.

– А вот я папу сразу же узнал! – воскликнул Илья. – А вот Настька нет! Она мне сама это утром сказала! – и сорванец толкнул плечом сестру.

– И узнала, и узнала! Ну, ты чего толкаешься?! – Девчушка ущипнула брата и выскочила из-за стола.

– А ну-ка, тихо вы! – крикнула бабушка Йована. – Неслухи какие! Сейчас вон маленького разбудите! Будете потом его зыбку сами качать!

– Да ничего, мама, ему все равно уже просыпаться нужно, кушать пора, – успокоила Йовану Милица. – Я его в дальней спальне перепеленаю и там же покормлю. – И она встала из-за стола. – Да, конечно, пошли, пошли со мной, – сказала она с улыбкой хнычущей двухгодовалой Софии. – А вот папе с нами делать там нечего, – улыбнулась она Сергею. – Пусть он и дальше о своей войне разговаривает с мужчинами. Вон как им всем тут весело!

Вся большая зальная комната дома Милорадовичей была заставлена соединенными вместе столами. За ними располагалась вся многочисленная родня и близкие Милорадовичей, Егоровых и Войновичей. Тут же, как члены семей, сидели на равных Курт с Егоркой и Карпович. Вот только вчера в Николаев, полгода уже как объявленный Новороссийским городом, приехали с Южной Дунайской армии на побывку господа офицеры. А уже на следующий день все близкие праздновали здесь встречу. У каждого из них сейчас было что рассказать друг другу, ведь эта война шла уже долгий третий год. Но самое главное здесь было то, что все они были сейчас живы и собрались вместе за этими длинными, заставленными снедью и напитками столами.

– Дорогие мои, а давайте я вам сейчас сыграю, а вы споете наши сербские? – Михайло взял в руки скрипку со смычком, и дом наполнился грустной мелодией.

– Вона, у господ охфицеров музыка заиграла, только уж больно она чевой-то жалостливая, – вздохнул Соловьев и притопнул ногой, стряхивая снег. – Эко ж подмораживает-то сегодня! Ну что, как и уславливались, Федор Евграфович, сокращаю я ночной караул, чтобы ребяток не поморозить?

– Сокращай, Ваня, – кивнул, соглашаясь с капралом, Лужин. – Твоему ведь отделению выпало сегодня на часах стоять, вот ты сам первый и думай, как бы это вам лучшнее тут быть. Завтра Леонтьевским предстоит вот так же дежурить, а я так думаю, что и у них, небось, мороз тоже не спадет. А без караула нам, сам ведь понимаешь, ну вот никак нельзя. Ибо мы тут есть часть воинского подразделения, пришедшая сюда из особого егерского полка, то бишь его дозорный боевой плутонг. И хоть даже и находимся сейчас за много верст от неприятеля, а все же службу караульную исправно должны нести. У нас тут как-никак ведь и военное имущество при себе имеется. Да вон, хоть, скажем, те же кони, – кивнул он на стоящие в глубине двора сараи и хозяйственные постройки.

– Да я-то со всем пониманием, Федор Евграфович, – кивнул капрал. – Да и ребятки все мои тоже разумные. Чего уж там, разок в день, да еще в ночь на два часа, ну или пусть даже три постоять – это ничего! Подумаешь, тоже мне – забота какая! Покараулим. Ну и чего ты сам-то стоишь, чего не идешь? А то вона уже как стемнело на дворе, а звезды такие, словно бы кто бисер на небе рассыпал. Ох ведь и яркие!

– Это да-а, – кивнул Цыган, поглядев вверх. – Южное небо – оно такое, оно здесь особенное.

В доме Милорадовичей хлопнула дверь, и на пороге мелькнула чья-то фигура.

– Во-о, а вот это, похоже, уже по мою душу, – насторожившись, произнес Лужин. – Ну, ладно, Ваня, блюди службу. Гляди, чтобы без меня тут, значит, самый сурьезный порядок у вас был. А вот завтра и тебе увольнительная будет. Ну, все, бывай! – и быстро перебежал двор. – Дядь Вань, дядь Вань, я это, Федя!

– Цыган? Ох ты ж, спужал! – воскликнул приглушенно Карпович. – Ты прямо как лешак из темноты выскочил. На-ко вот, держи, это тебе, – и, вынув из-за пазухи полушубка кувшин, сунул его в руки Лужину. – И это еще там сверху в узелке, чтобы пожевал маненько, все хоть не так шибко захмелеешь. Давай, давай, беги уже, шлында, – подтолкнул он благодарившего его егеря в сторону калитки. – Чтобы до рассвета только обратно пришел! Смотри у меня, Федька, а не то, как раньше, уши надеру и ведь не посмотрю, что ты нонче в сержантах!

– Да, дядь Вань, ну чего ты, я же... – пробубнил Федька, скрываясь в ночи.

– Я же, я же, – проворчал Карпыч. – Как был ты кобелем, Федька, так и остался им. А горбатого только лишь могила и исправит.

Отряхивая снег с валенок, он пошел к конюшне.

– А ну стой, кто таков?! – Два молодых егеря, однако, уже с волчьими хвостами на касках, выскочили словно бы из ниоткуда с наведенными на Карпыча ружьями.

– Отставной младший сержант Зубов Иван, отдельная особая рота егерей при главном квартирмейстерстве армии его сиятельства генерала-фельдмаршала Румянцева! – выкрикнул браво Карпыч. – Хорошо караульную службу несете, братцы! Не стыдно нам за вас, ветеранам.

– Иван Карпыч, ну, ты бы покашлял, что ли, когда вот сюды шел! – пробурчал егерь с черными усами. – А то ведь тоже эдак тихонечко да без всякого скрипа по тропке следовал. И вовсе даже не понятно, то ли это тать крадется, а то ли, наоборот, унтер с проверкой идет.

– Дэк я ведь и есть унтер, ребятки, только вот уже отставной, – засмеялся Карпыч. – Нате вот, перекусите маненько, – и достал из-за пазухи небольшой сверток. – Тут по плескавице каждому, то сербская мясная еда. По куску сыра еще вдобавок да по горбушке хлебца. Берите, берите, ну, чего вы жметесь, братцы?!

– Да не положено нам, дядь Вань, на посту-то, – переминались егеря.

– А то я и сам в солдатах не был да будто в ночных караулах не стоял! – усмехнулся ветеран. – Тихонько эдак спина к спине встали и наблюдение ведем, слушаем, как там вокруг вас. Кус на один зуб положили, а другим его примяли, и все, и нет уже ничего во рту. Зато вот в брюхе сытно. Ладно, пошел я, пора. Вон уже и скрипка перестала играть, – кивнул он на темнеющий дом.

– Спасибо, дядь Вань! – крикнули егеря в спину удаляющейся фигуре.

– Помогай вам Бог, будьте здоровы, братцы, – махнул им рукой Карпыч.

– Предлагаю выпить за наших деток! – расчувствовавшийся дядя Михайло смахнул скупую слезу со щеки. – Нам с Антонией не дал господь детей, так пусть у вас у всех, дорогие мои, дом будет всегда наполнен счастливым смехом малышей. Это ведь такая радость!

– Михайло, Михайло, ну успокойся, ну что ты. – Йована, подойдя, погладила брата по голове. – Вон сколько у нас здесь детей, ну чего ты, все они наши, все здесь рядом собрались!

– Да, да, сестра, прости, – кивнул Михайло. – Что-то я сегодня... За детей, дорогие мои, за детей!

Все присутствующие подняли стопки, бокалы, кружки в зависимости от предпочтений в напитках.

– Ну, коли уж только что от дядюшки тут был такой тост, может быть, и ты объявишь, папенька, всем здесь сидящим известие про моего крестника? – громко произнес Живан.

– Да-а, прямо как десять лет назад с Радованом, – усмехнулся Алексей, вставая со скамьи. – Дорогие мои, когда-то вот так же, правда, гораздо меньшим кругом, мы провожали двенадцатилетнего мальчика в дальнюю дорогу для постижения им высоких наук. И всем нам было тогда очень за него тревожно. Как же так, такого маленького да посылать за тысячи верст в северную столицу?! При этом оторвав его от семьи и от любящей родни, от всего такого привычного и понятного. Но вот вы посмотрите все, какой теперь перед нами сидит орел и красавец, – кивнул он на покрасневшего Радована. – Боевой офицер, егерь, целый капитан-поручик, прошедший через десятки сражений и схваток да еще и командующий сотнями воинов. А ведь за его плечами сейчас самое престижное учебное заведение нашей империи – Сухопутный шляхетский корпус. Такое образование, как у него, да еще и вкупе с боевыми заслугами открывает двери в дальнейшей карьере для любого дворянина страны. Попасть в Шляхетский сухопутный корпус очень престижно и крайне сложно, учитывая огромное количество желающих, заметьте, из о-очень влиятельных фамилий страны, всячески стремящихся пристроить туда своих отпрысков. Однако же и мы с вами тоже ведь не лыком шиты, – оглядел он с улыбкой всех сидящих за столами. – Сын мой, Илья, – и Лешка погладил голову белобрысого мальчугана. – Тебе предстоит ехать в мае месяце в Санкт-Петербург для сдачи там вступительных экзаменов. Основной набор идет туда, конечно, пяти-, шестилетних детей с расчетом на полное четырнадцатилетнее обучение. Но и по шестилетней, усеченной программе пока что еще принимается ограниченное количество недорослей. Рекомендательное письмо от Суворова Александра Васильевича для генерал-директора корпуса графа Ангальта Федора Астафьевича мною получено. А кроме того, на личном приеме у их светлости князя Потемкина подписано и мое прошение по допуску к вступительным испытаниям дворянского сына Егорова Ильи Алексеевича. Не мне вам всем объяснять, насколько это весомо в таком вот серьезном деле. Так что, мать, осталось тебе только лишь собрать в дорогу нашего любимого отпрыска, – улыбнулся он Катерине. – И уже через полгода ему предстоит отправляться в путь.

– Да как же это, Алексей! – растерянно произнесла мать. – Он же у нас такой маленький, ему всего-то двенадцать лет через неделю исполнится! Ну как же он совсем один там, вдали от всех-то будет?!

– Катерина, ну ты чего?! – воскликнули одновременно Живан с Сергеем.

– Да тысячи дворян даже и помечтать о таком вот не могут! – аж вскочил с места старший Милорадович. – Это же Шляхетский корпус! Ты только сама подумай! Да перед Ильюшкой дорога потом хоть куда будет открыта! При фельдмаршале Минихе двенадцатилетние отпрыски из дворянских и даже из княжых родов в батальонных колоннах в атаку шли и на вражеские бастионы наравне с простыми солдатами лезли! А это всего лишь учеба! Вот только с кем же его отправлять-то в эту самую столицу? Мы-то все в это самое время в действующей армии за Днестром будем!

– Да-а, я и сам весь в раздумьях, не знаю пока, что и делать, – развел руками Алексей. – Да ладно, время у нас еще есть, вся зима и большая часть весны впереди. А пока, сын мой, готовься с усердием, дабы не посрамить свою фамилию и бравого дядюшку при поступлении в корпус. Он-то вон какой орел, сразу и безо всяких там затруднений в свое время все вступительные экзамены туда сумел сдать.

– Да мы все ему в этом поможем! – решительно махнул рукой Гусев. – Я по математическим наукам, по грамматике и чистописанию. Живан в риторике, в географии, геральдике и в истории силен. А дядюшка Михайло – он Ильюхе естественные науки преподаст. Радован, как только недавно закончивший обучение, какие-никакие еще ему пробелы закроет. Ну и все вместе, сообща мы уж с языками как-нибудь да разберемся. Латынь, французский, немецкий, – загибал он пальцы, – пока, наверное, и этого хватит.

Застолье продолжилось. Детворе это сидение быстро наскучило, и она носилась по дому, играя в прятки и догонялки. То и дело под столом вылавливали кого-нибудь из малышей. Присоединился к общему веселью даже Егорка, не слазивший до этого с колен Курта.

* * *

Неделя пробегала за неделей. Прошли рождественские праздники с их раздольными и веселыми гуляниями. За ними Крещение. Подошел с вьюгами и бураном февраль. В дальнюю дорогу, к стоящему у Днестра полку собирались Живан с Радованом. Их сопровождал десяток Соловьева.

– На постой будете вставать – стерегитесь, Ванька! – наставлял капрала Лужин. – Их благородия – они, конечно, сильно вумные, однако сам ведь знаешь, за всем господу ну вот никак не смогут углядеть. Тут и свой, солдатский глаз завсегда будет нужен. В том краю, где большая война прокатилась, ведь много всякого зла бывает. У дурных людей сейчас в избытке всякого брошенного оружия на руках осело. Вспомни вот сам, когда мы ротой на Буг после первой кампании заходили, сколько у нас тогда пострелух-то этих было? Днем из леса ведь даже не боялись злыдни палить. А нас, вот сам посчитай, тогда ведь гораздо более сотни с обозами шло. Вас сейчас всего-то одна дюжина, двое господ офицеров да вот твой десяток поедут.

– Да понял я, понял, Федор Евграфович, – кивнул Соловьев. – Сторожко мы будем держаться. Чай, совсем уж молодых в отделении никого сейчас нет, все нонче при волчьих хвостах пребывают. Да и без обоза ведь мы идем, с одними лишь вьючными лошадьми, чтобы поскорее до полка добраться. Это вот вам через месяц гораздо тяжелее будет с санями.

– Ничего-о, ты за нас не волнуйся, Ванька, – хмыкнул Цыган, – за собой вон лучше гляди. Лишь бы снег подольше простоял, чтобы за самый Днестр саням прокатиться. А то было уже как-то однажды, вспомни, с конца февраля аж тепло пришло, и обложные дожди тогда же зарядили. Какие уж там сани, даже и верхом-то по дорогам не пройти было!

Возле дома Милорадовичей прощались со всей родней и знакомыми Живан с Радованом. Полк на своем зимнем квартировании оставался в Бырладе под командой секунд-майора Кулгунина Олега Николаевича, и офицеры спешили к нему вернуться пораньше.

– Удачной дороги! – Алексей обнял обоих братьев. – Яссы будете проезжать – в главное квартирмейстерство явитесь, доложите там о досрочном своем прибытии в армию. Может, у командования для вас, для нашего полка что-нибудь важное будет. И мы тоже так же через полтора месяца туда заедем. Ну, все, давайте, в путь, друзья! Счастливо, братцы! – махнул он рукой седлающим коней егерям.

Четырнадцать всадников, ведя в поводу заводную лошадь, отправились на запад.

– Алексей, – тронул за руку Егорова Курт, – есть у тебя время ко мне зайти? Хотел я кое-что показать, но сразу хочу сказать: это не есть хороший известий.

– Вот как? Ну, тогда тем более нужно идти, – хмыкнул Лешка. – А я ведь и сам смотрю, что-то ты в последние дни какой-то весь хмурый ходишь. Из кузни и своей слесарной мастерской не вылезает. Даже у Егорки нос в саже был и синяк на ножке.

– Да, Георгий мне очень пытаться помогать, – усмехнулся Курт. – Я его к вам отправлять, а он скорее реветь, ему со мной нужно быть. Бойтся, что я опять на войну уехать. А вчера себе на ногу молоток уронить и опять сильно плакать. Хорошо, что тот молоток совсем маленький быть, который для точной ударной работа, а то бы и покалечиться мог. И ведь все равно потом обратно к железу лезть, никак его не оторвешь от себя, – покачал он сокрушенно головой. – Только одна лишь Катарина его в силах увести.

Курт квартировался по соседству с домом сельского кузнеца, тестя Леонтьева Михаила. Вместе со Шмидтом они занимались там своими железными делами. Тут же при кузне был и пристрой в виде слесарной мастерской, возведенный еще при самом начале поста особой роты, а потом и батальона.

– Ну, показывай, что тут у тебя за нехорошее такое известие для меня? – спросил Егоров, заходя вовнутрь помещения.

– Алексей, я хорошо знаю, насколько для тебя важен твой оружий, – сказал с печалью в голосе друг, разворачивая лежащий на верстаке сверток. – Это ведь есть винтовальный ружье твоего отца, и оно очень дорого тебе как память, – погладил он лежащий перед ним прусский штуцер. – Но ведь всякая вещь имеет предел для своей работа, тем более если она, эта работа такая, э-э-э... как это правильно сказать? Если она такая насыщенная и большая. Уже трижды я ранее серьезно делать этот штуцер. Переделывать в нем весь механизм ударного замка, менять цевье и его приклад, углублять сильно стертые в стволе нарезы. Но больше уже тут ничего, увы, поделывать нельзя. Из него очень-очень много стрелять, и, наверное, он сильно перегревается и получить большой износ ствола. К тому же окись свинца и воздействие на металл частиц сгорания от пороховой заряд тоже имеют постоянное и вредное действие. И хоть за штуцер хорошо ухаживать и следить, но он ведь как дедушка, со временем сильно устать и теперь должен идти на покой.

– Неужели тут ничего вообще нельзя поделывать, Курт? – Алексей взял с верстака родной штуцер и ласково его погладил. – Ну, может, снова там нарезы углубить? Поменять что-нибудь в замковом механизме?

– Нет, Алексей, извини, – покачал головой оружейник. – Тут есть сильный истончений ствола, имеется небольшой вздутый, есть даже несколько мелкий, очень мелкий трещин. Стрелять из такой штуцер очень опасно. Ствол может просто разорваться под избыточный давлений пороховой газ при новый выстрел. Не забывай, что эта наша «хитрая пуля» и сама способствовать созданию такой вот высокий давлений, ведь она очень плотно прилегать к стенкам, буквально врезаясь в них. Не зря у нее такая интересная конструкция с выемкой внутри. Ведь именно это давать увеличение расстояние ее полета и прицельная дальность стрельбы. Кстати, эта беда с износ стволов касается и всех других наших ружей. При таком большом ведении огня, какая есть в наш полк, и при использований такой вот особой пули и в других стволах может быть та же болезнь, что и в твой штуцер. Поэтому мы, полковые оружейники, и так внимательно смотреть, чтобы все егеря хорошо чистить ствол и не перегревать его при стрельбах.

Но годы идут, и оружие тоже стареть, также как и его хозяева. Этот штуцер иметь уже больше тридцати лет, и последние два десятка из него очень много работать. Я, конечно, могу с него снять некоторый отдельный деталь... э-э-э... как экстерьер, как бы для внешний вид новый штуцер. Но основа оружия, каковым является сам ствол, использовать далее никак нельзя.

– Нет уж, незачем его разбирать, – вздохнул Алексей. – Пусть уж мой старичок, каков он и есть, висит на самом видном месте, где-нибудь на стене в поместье, там, где он и был мне в руки дан. Осталось вот только теперь туда вернуться.

– О да, это есть хорошая мысль! – кивнул Курт. – Это как особый реликвий для поколений всего рода Егоровых. Когда ты быть седой генерал, то будешь снимать его со стены и рассказывать внукам о свой подвиг и о подвиг особых егерей-волкодавов. И не переживать, совсем без оружия я тебя не оставит, держи, это есть мой подарок, – и Курт достал из стоящего рядом с верстаком шкафчика новый, лоснящийся маслом штуцер. – Бери, бери, от такой вот подарок, который дариться с душой, никак нельзя отказываться! Он, конечно, не иметь такой длинный ствол, как те винтовальные ружья, которые я привезти из поместий, но и ничем не ступать твой отцовский. И его так же можно быстро перезаряжать. Здесь три откидные планки для выбора расстояний стрельбы до цели, а вот основная – она есть неподвижная. Сама мушка заключена в защитный круг, – показывал он на прицельные приспособления. – Вот это защелка под стволом для креплений кинжаловидный штык. Приклад сработан из темный орех. Я только не успеть его заполировать и покрыть несколько слоев лак, но на все это мне нужно три дня, а потом ты его себе забрать.

– Спасибо тебе, Курт. – Лешка благодарно посмотрел на друга. – Так вот, выходит, почему ты все время здесь, в этой мастерской и в кузне пропадал! Ну, оно тебе вообще было надо? Лучше бы уж с сыном занимался, а я бы взял себе обычный, тульский, казенный.

– С сыном мы заниматься, ты за это не беспокоится, Алексей, – улыбнулся Шмидт. – Мы с ним много играть и гулять. А вот если в хороший оружейный мастер вложить часть своей души и любовь к делу, то оно будет служить свой хозяин очень надежно и верно и никогда его в бою не подведет. Я хотеть, чтобы твой оружейный был именно такой, Алексей.

– Спасибо, друг, – обнял мастера-оружейника Алексей. – Но теперь-то ты можешь спокойно в свое удовольствие отдыхать?

– Конечно, но я ведь и так отдыхать, – улыбнулся жизнерадостно Курт. – Алексей, ты же меня давно знать, для меня самый хороший отдых – это когда в руках есть кусок железка и надфиль. А пока мне нужно еще три дня, чтобы привести все в полный готовность, – похлопал он по массивному стволу винтового ружья. – Завтра мне еще дать ремень из хороший кожа, и я буду его крепить к цевье и приклад. О да, я совсем забыть, – шлепнул он по лбу ладошкой. – Мне точно нужно уложиться со всей этой работа до выходной день. В воскресенье у Леонтьев Михаил и его жена Злата крестины их новорожденный мальчик. А я там быть крестный отец. Можешь тоже прийти, я думать, что они быть этому только лишь рады. Кстати, батюшка, ведущий обряд, есть очень интересный человек. Он сам из той деревня, что сожгли османы на правый берег Буга и жителей которой егеря вывезли сюда, в Николаев. Сейчас отец Валентин работать простой плотник на строительстве корабельных верфей, а каждая медная копейка откладываться им для строительства храма в родной деревня, которую жители хотеть восстановить.

– Занимательно, – покачал головой Лешка. – Я обязательно буду на крестинах и, пожалуй, всех наших егерей, что сейчас здесь есть, с собой позову. Как-никак, а Леонтьевы вовсе не чужие нам люди. И дед его Дорофей из старых солдат был, и его внук Мишка в капральстве дозорной роты состоит. Так что мы непременно будем, Курт, спасибо за приглашение.

Глава 2. Николаевская верфь

Николаевская отстраивалась. В 1788 году по повелению светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического в устье реки Ингул под руководством полковника Фалеева Михаила Леонтьевича была заложена верфь, предназначенная для строительства больших военных кораблей. Вокруг нее по плану русского архитектора Императорской академии художеств Ивана Егоровича Старова начал сразу же строиться большой город с длинными прямыми улицами и кварталами правильной формы. Этому городу, наравне с Севастополем, вскоре предстоит стать главной базой Черноморского флота России, портом и тем местом, где будут рождаться парусные суда, которые разгромят неприятеля у мыса Тендра и при Калиакрии, в Наваринском, Синопском сражениях и во многих прочих. Позже потомки парусных корабелов будут здесь строить грозные броненосцы, линкоры, крейсера и даже огромные авианосцы. Строительство кораблей продолжится все то время, пока этот город будет оставаться частью огромной, великой и славной страны. Будут строиться они и позже, когда русский Николаев, также как и Севастополь и все прочие города и земли Новороссии, вернется в родную гавань. Все еще будет, все обязательно будет.

Сейчас же Алексей шел по огромной стройке, которую собой представляла бывшая бугская станица. Если на южной ее части, там, где квартировались егеря, было относительно спокойно, то вот северная, примыкающая к устью Ингульца и к строящейся здесь верфи, представляла собой настоящий муравейник. Всюду здесь сновал работный люд, ехали длинные волокуши или дроги с бревнами, брусом или досками. Катились мужиками какие-то бочки, а лошади подтаскивали к стоящему на стапелях огромному корабельному корпусу широкие низкие сани с лежащим на них кованым крепежом, скобами и длинными гвоздями.

– Посторонись, барин! – гаркнул чернявый бородатый мужик в драном зипуне. – Стой, а ну, стой, шальные!

Испуганные чем-то лошади резко рванули вбок, чуть было не перевернув большие сани с составленными на них бочками. Сразу несколько работных схватили их кто за уздечку, кто за дугу с оглоблями и теперь успокаивающе покрикивали и поглаживали животных.

– Благодарствую, робята! – крикнул чернявый. – А то перевернули бы все энти бочки со смолой! Вот тогда бы мне точно быть битым кнутом. Прощения прошу, барин, не зашиб я вас ненароком? – стянул он шапку и поклонился проходящему мимо Егорову.

– Нет, успел отскочить, – усмехнулся Алексей. – Чего везешь-то в санях?

– Дык, знамо дело, смоляная пропитка у меня в те бочки налита, барин, – пожал плечами мужик. – Говорят, что без нее ни одна ладья по морю даже и трех лет не сможет проходить, иначе все дерево в ейной воде спортится. А уж такие корабли, которые тут будут строить, их еще шибче смолить надобно, они ведь даже в гречанские и в сарацинские моря будут потом заплывать.

– Важное дело вы делаете, православные! Ну, помогай вам Бог! – Алексей кивнул и пошел дальше.

– Спасибо, барин, спасибо за доброе слово! – мужики, сняв шапки, чинно поклонились проходящему мимо офицеру. – Цельный полковник, я тебе говорю, Архип это, вона, даже и сабля при нем, – донеслось негромкое до Егорова.

Алексей подошел к правлению стройки. Навстречу с двумя флотскими офицерами и семенящим следом статским, державшим в руках рулоны бумаг, вышел сам полковник Фалеев.

– Нет-нет, господин полковник, мачты мы ждем только лишь на следующей неделе, и ставить их сразу на судно без дополнительной хорошей обработки ну вот никак нельзя, – объяснял главному строителю города и верфи Николаева тот флотский, что был постарше годами. –

А для такелажа нам канат совсем гнилой пришел, я такой, Михаил Леонтьевич, ни за что принимать не буду. Иначе мы судно при первом же хорошем шторме погубим!

– Вы ко мне, Алексей Петрович? – спросил Егорова Фалеев, поздоровавшись. – А то я ведь на верфь спешу, у нас там первенец, большой фрегат нынче заложен. По срокам его уже в июле для нашей черноморской эскадры надобно сдавать, а ведь ничего еще покамест не готово.

– Не извольте беспокоиться, Михаил Леонтьевич, – вежливо поклонился полковнику Алексей. – Не смею вас отвлекать от важных государственных дел. Я ведь только лишь хотел уточнить, что там по моему особому заказу, но теперь думаю, что это вовсе даже не к спеху, и я, пожалуй, зайду к вам несколько позже.

– Нет, нет, что вы, минуточку! – затряс головой Фалеев. – Ну что вы, право слово, будете тут так и дальше по нашей стройке ходить? Подождите, Алексей Петрович, сейчас я и сам все с этим устройю. Нестор, а ну-ка, давай сюда все свои чертежи, – кивнул он стоящему рядом с ним штатскому. – Да проводи-ка ты господина полковника к Виктору Ильичу. Вот он-то все сам и покажет ему по заказу. А уж мы, с вашего позволения, проследуем с господами офицерами к верфи да осмотрим там наш фрегат.

Троица учтиво попрощалась с Егоровым и направилась к устью Ингула.

– Что, голубчик, трудно вам? – сочувственно спросил у семенящего рядом провожатого Алексей. – Еще ведь и верфь даже полностью не отстроена, а вам вон уже и военный корабль к лету надобно на воду спускать!

– И не говорите, господин полковник, – вздохнул Нестор. – Неразберихи всяческой нынче много, всегда ведь такое при серьезном новом деле бывает. Как-никак, а это первое большое судно в Николаеве закладывается. А ну как здесь все не заладится?! Страшно даже подумать! Ведь на его спуск этим летом аж целые сенаторы со столицы приедут, и даже сам Светлейший самолично при таком событии обещал присутствовать. Нешуточное дело – более сорока пушек на этом корабле будет установлено. Это ведь не галера какая-нибудь или не галиот, нам привычный.

44 пушечный фрегат «Святой Николай» водоизмещением 1 840 тонн, с экипажем 437 человек был заложен в Николаевской верфи 5 января 1790 года и спущен на воду 25 августа этого же года. Войдя в состав Черноморской эскадры контр-адмирала Ушакова Федора Федоровича, он принимал участие в русско-турецкой войне 1787–1791 годов. Участвовал в сражении при Калиакрии под командой капитана второго ранга Львова, который за героизм и храбрость в этом бою был награжден золотой шапкой. После этого фрегат крейсировал у берегов Османской империи в Черном море. Позже принимал участие в войне с Францией 1798–1800 годов в Средиземном море. Был выведен из состава флота 12 апреля 1801 года по причине ветхости корпуса. Через год продан в Неаполе за 11 460 дукатов. Пушки его перегружены на фрегат «Михаил».

– Виктор Ильич, вы здесь?! – сопровождающий Егорова, зайдя в длинное, барачного вида здание, отворил дверь и громко позвал нужного им человека.

– Нестор, ты, что ли, там горланишь?! Дверь закрой, выстудишь нам все! – донеслось сварливое из глубины.

– Здесь он, господин полковник, – удовлетворенно протянул провожатый. – Это наш самый лучший умелец по столярному делу, старший мастер Соврастин. Его сам Михаил Леонтьевич очень сильно ценит.

В длинной столярной мастерской шла подгонка деревянных частей рангоута и тонкая работа с креплением такелажа, предваряющая его установку на корабль.

Седой мастер протиснулся мимо рей, гафелей и прочих элементов рангоута, с которым работали его люди.

– Мое почтение, господин, – окинув взглядом фигуру офицера, сделал он легкий поклон Егорову. – Ну и чего звал? – уже недовольным, сварливым голосом пробурчал он Нестору.

– Да вот, Михаил Леонтьевич повелел к вам их высокоблагородие сопроводить, – пожал плечами провожающий. – Вы уж тут сами дальше говорите, а я вот на верфь, к фрегату побежал. Сегодня по корпусу общая приемка должна быть, а ведь все корабельные чертежи на мне были, – и, поклонившись, он выскочил за дверь.

– Как же, главный чертежник, – проворчал вслед ему мастер. – По бумагам-то все оно у него эдак гладко, а вот как только до самого дела дойдет, так ведь каждую мелочь своими руками переделывать приходится, ничего в нашем деле легко не бывает. Слушаю вас, господин... – и он, сделав паузу, внимательно посмотрел в глаза Егорову.

– Егоров Алексей Петрович, – улыбнувшись, представился Лешка. – Виктор Ильич, господин Фалеев, рекомендовал мне вас как самого искусного столяра в наших краях. Я через него передал вам для ознакомления свои чертежи и наброски. Вы не готовы сейчас сказать, сумеете ли мне помочь?

– Напомните-ка, что там было, на тех чертежах? – почесал свою седую бородку Соврастин. – У нас ведь тут несколько заказов за всю эту зиму было. Это еще окромя самого главного, корабельного дела.

– Я просил господина полковника сделать особенные сани, Виктор Ильич. С широкими полозьями и с крепким, прочным, но легким кузовом. А еще и с таким крытым верхом, которые бывают у возков. Только вот не сильно высоких, дабы избежать риска опрокидывания. И лучше бы, чтобы они сами были как можно легче, – пояснял старшему мастеру Егоров.

– Эко же у вас и условия-то, господин Егоров, – покачал головой Виктор Ильич. – Крепкое, но и легкое, крытые, но чтобы не высокие. Смотрел я ваш этот самый чертеж, занимательно, – хмыкнул мастер. – Для каких целей сия повозка будет предназначена?

– Мне нужно их пять штук, – пояснил Алексей. – Через месяц команде егерей предстоит отправиться в свой полк на юг. К этому времени, я подозреваю, уже начнутся оттепели, и на простых санях им так просто за Днестр, к месту основного квартирования нашего полка, будет уже не добраться. Вот потому-то здесь и нужны широкие, чем-то отдаленно похожие на лыжи полозья. Крепкий, крытый кожей кузов, чтобы провезти тяжелый груз и по дороге не замочить его. Ну, и, как я сказал, нужна общая легкость всей этой повозки, чтобы ее спокойно перемещала двойка лошадей на большие расстояния.

– Хм, однако, задача, – задумчиво проговорил мастер. – Месяц времени всего. Ну что же, в виде приработка к основному делу, я думаю, мы можем за это взяться. Да и таким бравым господам офицерам, пожалуй, что вовсе даже не грех будет помочь. Сделаем, Алексей Петрович, как раз хорошее дерево у меня на подходе. На оглобли самое лучшее – это, конечно же, береза, а вот на кузов нужна только лишь липа, как легкое и одновременно упругое, стойкое и крепкое дерево. Самое главное, чтобы она просушена была правильно. Ну а на полозья или ясень, или дуб нужен. Последний – он хоть и тяжелее, а все равно будет предпочтительней. Как-никак тут ведь большую нагрузку надобно выдержать, а кто же с этим лучше дуба-то сумеет справиться? Сделаем, – почесав затылок, проговорил Соврастин. – Через три недели сюда приходите, вот сами и посмотрите, что да как у нас получается. Может, и подскажите еще чего дельного. В чертежном-то деле, я гляжу, вы смыслите.

– А по цене как, Виктор Ильич? – спросил мастера Алексей.

– Ну, а уж это вы с Михаилом Леонтьевичем обсудите, – покачал тот головой. – Тут я в энти самые дела не встречаю. Чай, уж не обидит их высокоблагородие своих мастеровых. Это вы уж сами, сами там с ним обговаривайте, господин офицер.

– Понял, – улыбнулся Лешка, – обсудим. Ну, тогда до встречи, Виктор Ильич, вы уж расстарайтесь для моих егерей!

* * *

В воскресенье на обряд крещения прибыла вся команда особого полка. Тут же при ней был и ветеран Зубов Иван Карпович.

Отец Валентин пришелся Алексею сразу же по душе. Есть такие люди, которые с первого же взгляда вызывают самую искреннюю симпатию. Сам батюшка был худенький, скромный, с седой бородкой и добрыми лучистыми глазами. Одежка на нем старенькая, но вся выстиранная и аккуратно заштопанная.

Население сгоревшей на правом берегу Буга деревни Покровки, вывезенное два года назад егерями в Николаевское, все это время вращалось вокруг батюшки. Каждому он мог дать добрый совет, накормить куском хлеба, хотя зачастую и у самого него было весьма скудно с пищей. Каждого мог ободрить, душевно обогреть и обнадежить. По весне большинство жителей деревни изъявило желание переселиться обратно в свои родные места. Турок из бугских степей русское воинство выгнало, и теперь там можно было жить в полной безопасности. Оставалась лишь главная трудность и забота – где достать средства на строительство хат и на восстановление хозяйства. Благом было то, что в Николаевской после взятия Очакова теперь отстраивалась огромная корабельная верфь, и рабочие руки там были очень востребованы. Нагнали сюда работников из Херсона и из Крыма. Завезли государственных крестьян из Воронежской и Орловской губерний. Прибыли мастера даже из далекого Санкт-Петербурга. Но все равно нужны были люди, очень много людей. Платили из казны за работу хорошо, так что все переселенцы трудились на верфи не покладая рук. Работал там простым плотником и батюшка.

– Простите, господин полковник, простите, господин офицер, – поклонился он в очередной раз Егорову и Гусеву. – Не уместит мой домишко столько людей. Честь для меня великая – воинов-защитников у себя принять, да вот только лачуга моя совсем малая. Паства ведь во время службы обычно во дворе вся стоит. Но вас, господа офицеры, родителей младенца и крестных родителей я попрошу в дом. Как-нибудь уж разместимся там с божьей-то помощью.

– Нет-нет, батюшка, мы с нашими молодцами уж лучше все вместе, вот тут на улице будем новокрещеного встречать, – помотал головой Алексей. – Вы даже не беспокойтесь, ведите свою службу, как и положено. А я уж потом к вам зайду, свечку за здоровье малыша поставлю.

Из лачуги отца Валентина раздавалось пение псалмов и чтение молитв. Шло таинство крещения. Младенец под именем Дорофей вступал в мирскую жизнь. Крестились прихожане и родня. Тут же широко осеняли себя крестом и стоящие в ряд егеря. Наконец на пороге появилась с малышом на руках Злата, за ней Михаил, Курт и крестная, старшая дочь дяди Тараса из леонтьевской родни с Покровки Оксения. Все от души поздравляли родителей и новокрещеного.

– Михаил, это тебе от нас подарок. – Лешка вложил в ладонь отца малыша увесистый кошель.

– Ваше высокоблагородие, ну что вы, не надо! – воскликнул капрал. – Мы же перед самым отъездом награжденные – «очаковские» – получили. Всего у меня в достатке!

– Ты чего это, дурилка, отнекиваешься? Коли общество так постановило, так, стало быть, и бери им подаренное! – грозно нахмурил брови стоящий рядом Карпович. – Ох, Ляксея Петрович, не я у него в капралах состою, уши бы точно надрал. Ишь ты, разговорчивый он какой! Господину охфицеру, цельному командиру полка перечить вздумал! Денег у него, вишь ли, стало много! Зазнался! Чай, уж не только одному это тебе, а и сыну твоёму на первое обустройство. На одежки, зыбку, на тряпки там всякие. Тот же прикорм для матери нужо-он, чтобы

молоко было жирное, и парень с того богатырем бы рос. Благодарю лучше да на праздничную трапезу товарищей вон своих зазывай!

– Да я, да я... – заикаясь, забормотал Мишка. – Звиняйте меня, братцы! Я ведь не с зазнайства! Благодарствую вам! – и поклонился улыбающимся егерям. – Прошу пройти к тестю в дом, там для всех гостей столы уже накрыты. Откушайте, отпейте за здоровье моего сына Дорофея, коего я в честь деда назвал.

– Вот так бы и сразу, Мишка, а то чего хорохоришься?! – хлопнул его по плечу Лужин. – Отопьем, а чего нет-то?! – и дюжина военных в зеленых, опоясанных ремнями шинелях громко рассмеялась. А Алексей в это время уже заходил в дом батюшки.

Дом – это, конечно, было сильно сказано. Маленькая саманная хатка состояла из сложенной посредине печи, разделяющей лачугу на две неравные части. В меньшей половине стоял топчанчик, укрытый какой-то подстилушкой, и небольшой столик с лавкой. А вот большая часть хаты была пустой. Тут горела лампадка, и из всей мебели посредине стояла лишь одна табуретка с бронзовым подсвечником. Со стены на Алексея строго смотрели с икон лики святых. Егоров зажег свечу и, поставив ее, перекрестился на образа.

– Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое... – шептали его губы.

Рядышком, сбоку, тихонечко подошел Гусев Сергей, а с другого встал батюшка, и они тоже начали читать молитву. У каждого из молящихся было о чем просить господа.

На улице ярко светило солнце, и Лешка аж зажмурился, выходя из темной хаты на улицу.

– Как же вы, отче, да в тесноте такой? – спросил он, надевая на голову свою каску.

– Да ничего, ничего, господин полковник, – улыбнулся мягко батюшка. – Я ведь один тут, и мне всего хватает. Старшая дочь давно уже своей семьей в Херсоне живет, у нее там муж при слесарной артели трудится. А сыночки-близнецы Петр и Павел в Киевской семинарии науку постигают, спасибо господу, отец Сергей, настоятель Успенского собора, в этом помог. Еще детки были, – и он горько вздохнул, – да вместе с матушкой смерть от неверных на том берегу реки приняли, упокой, господи, их души. Ничего, ничего, вот время придет – вернемся к себе, отстроим заново деревню, а вместе с ней и храм новый там же поднимем. Ну а пока вот здесь с прихожанами мы молимся. Нам места хватает, господин офицер, мы ведь и на улице можем стоять.

– Тяжело, наверно, вам на верфи трудиться, батюшка? – кивнул Алексей на натруженные, все в садинах руки священника.

– Да работа как работа, – пожал тот плечами. – Ну а как же без труда можно, господин офицер? Ведь самой первой обязанностью праотца нашего Адама в раю, еще до самого грехопадения, была обязанность возделывать рай.

– Как это возделывать рай? – не понял Алексей.

– А вот так, про это и в Библии написано, – улыбнулся отец Валентин. – «И взял Господь Бог человека, [которого создал], и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его». А «возделывать рай» – это значит трудиться, причем не только сохраняя, но и продолжая его совершенствовать. Вот потому, господин полковник, христианство и относится к труду не как к Божьему проклятию или наказанию, а как к средству, призванному преобразить человека, вернуть ему утраченный рай и Божье благословение.

– Да-а, однако, – покачал головой Егоров. – Никогда ведь над этим не задумывался. Достоин, батюшка, что вы цель перед собой поставили заново храм отстроить, а еще и сами трудитесь не покладая рук, даже и паству свою окормляете при всем этом.

– Так и у вас ведь труд не меньше моего, а то ведь даже и более важный, – с улыбкой произнес Валентин. – Ратный труд – он особо благословляется нашей церковью. Ведь даже и сам милосердный Христос, взяв в руки кнут, изгнал из храма нечестивцев, т. е. применил по отношению к ним насилие. И святой апостол Петр не зря же напоминает всем начальствующим воинам, что они носят меч отнюдь не в качестве украшения. Да, порой необходимо применить

силу и оружие, дабы оградить ту же святыню от посягательства нечестивцев, защитить свою родину, народ от врага и меньшим злом победить зло большее.

– Батюшка, а пойдёте с нами за Днестр?! – воскликнул вдруг Алексей, встав прямо перед отцом Валентином. – Будете нашим полковым священником?! Ведь более полутора тысяч душ православных воинов нуждаются сейчас в ваших молитвах и в трудах, как в своем пастыре. Вы же и сами только что вот говорили, какой у нас важный и нужный ратный труд! Ну же, решайтесь, отец Валентин! Обещаю, мы с ребятами вам потом поможем такой храм отстроить, такой, что у вас не только прихожане с Покровки будут на службу собираться, но даже и с противоположного берега от Николаевской верфи станут к вам приплывать!

– Господин офицер, да как же это?! Ну как мне все это здесь вот оставить? – воскликнул батюшка. – А как же покровские селяне, а как же хата? Подождите, подождите, ну как же это сразу так решиться?!

– Да вернетесь вы еще сюда, отец Валентин! – продолжал убеждать священника Егоров. – Войне от силы еще пару лет осталось грохотать. А потом уж мир на эту землю придет. Вот и вернетесь вы полковым батюшкой к себе, а егеря вам за пару месяцев такой храм отгрохают, всем на загляденье!

– Я ничего вам пока не могу обещать, господин офицер, – вздохнув, сказал батюшка. – У нас ведь пока что есть еще время? Пойдемте лучше в дом к дедушке новокрещеного, к кузнецу Петру, где нас уже порядком заждались счастливые родители и гости.

Глава 3. В дороге

С каждым днем февраля все ближе подходило время возвращения в полк.

– Никак нам нельзя, дорогая, долго тут прибывать, – объяснял расстроенной Катарине Алексей. – Ну, вот ты сама посуди: не отправимся мы в конце февраля в дорогу, а там уж такая распутица начнется, что даже и на конях верхом далеко не проедешь, не то что с повозками. А ведь у нас с собой еще и грузы.

– Так можно будет в мае, как только все дороги просохнут, вам ехать, – не отступала жена. – По хорошему, просохшему тракту вы уже в июне месяце в полку будете, а грузы – их и на тележном ходу можно за Днестр вывозить.

– Да ты что! – воскликнул Лешка. – Наши войска будут уже целый месяц после зимнего квартирования с турками воевать, а тут вдруг нате вам, мы, такие праздные гулены, наконец-то соизволили вернуться!

– Для тебя со своей семьей быть – это, выходит, праздное гулянье?! – вспыхнула Катарина. – А то, что у тебя дети подрастают и отца они вообще не видят, то, что старшему Ильюшке совсем скоро за тысячи верст и на долгие годы уезжать, – тебя это вообще не заботит?!

Алексей встал с кровати и накинул свою егерскую куртку на плечи.

– Заботит, – проговорил он глухим голосом. – Я тебя понимаю, ты одна, с детьми и сильно устала. Я все понимаю, но извини, Катарина, по-другому никак не могу. Ты и сама знала, за кого выходишь замуж. И то, что я смогу быть всегда рядом с тобой, – я такого не обещал. Сейчас идет война, и многие офицеры долгими годами свои семьи вообще не видят. А кому-то и вовсе их даже не суждено будет увидеть. Мы ведь буквально чудом смогли вырваться с ребятами на вот эти три месяца.

Лешка вздохнул и пошел к двери.

– Прости, прости меня, Лешенька. – Катарина в одной ночной рубашке выскочила из кровати и, схватив мужа за плечи, прижалась к нему всем телом. – Прости меня, дуру, я так волнуюсь за тебя, я каждую ночь молюсь, чтобы пуля мимо пролетела, чтобы османский клинок на тебя не поднялся. Ты пообещай мне, хороший мой, что скоро вернешься! Что ты обязательно будешь живым!

– Все, все, моя любовь, я обещаю. – Лешка крепко прижал к себе дрожащую Катарину. – Вытри слезы. Я обязательно к тебе вернусь, ты, главное, верь в это, ты только верь мне и жди.

* * *

За три дня до убытия егерской команды в Николаев прикатили из Херсона Войновичи.

– Это Илье Павловичу передадите. – Дядя Михайло поставил на пол большой кожаный саквояж. – Здесь для него собран всякий врачебный инструмент, который весьма пригодится для работы в походных условиях. А вот эти молодцы – выпускники Киевской лекарской школы, – кивнул он на стоящих за спиной двух крепких парней. – Ко мне в госпиталь они прибыли еще в сентябре месяце как выпускники в статусе лекарей. Молодые люди имеют горячее желание и дальше продолжать учебу и даже планируют поступить в Императорскую академию Санкт-Петербурга на ее медицинский факультет. Полагаю, что тот опыт, который они приобретут при оказании помощи нашим раненым и больным воинам, потом им очень пригодится. А служба в качестве лекарей в войсках пойдет в зачет при дальнейшем поступлении. Ну, вот, Венедикт, Онисим, это и есть ваш нынешний начальник, командир егерского полка Егоров Алексей Петрович, – представил Войнович своих лекарей. – Все необходимые бумаги у них на руках, а вот это выписка из приказа канцелярии генерал-губернатора об откомандировании из Херсонского госпиталя лекарей Устинова и Стринадко. И это еще не все, Алексей. Мной

согласован отъезд в Санкт-Петербург в Медицинскую коллегия для решения вопроса о расширении госпиталя и об открытии его филиала в Николаеве. Город ведь на глазах буквально растет, эдак он и Херсон скоро догонит, а без хорошей медицины тут просто никак. И время моего отъезда по совершенно чистой случайности совпало со временем отъезда Илюши, – прищурил он лукаво глаза. – Так что уж присмотрю в столицах за внучком, можешь не волноваться.

– Дядя Михайло, ты просто золото! – обрадованно воскликнул Лешка. – У меня сейчас словно бы камень с плеч свалился! А я же все голову ломал, переживал, думал: кого с ним в сопровождение отправлять? Вот так совпадение, ну, признайтесь, что это вы специально все задумали?

– Я же говорю – счастливая случайность, – отмахнулся тот. – Я хотел у себя еще и госпитальную школу открыть, или, как их сейчас приказано называть, медико-хирургическое училище. Востребованность в ее выпускниках в нашем краю просто огромная! Так что осталось только представить и защитить проект в департаменте и убедить экономическую коллегия о выделении необходимых средств. Но я полагаю, что у меня там останется время еще и для решения некоторых семейных дел, – улыбнулся он Алексею.

Двадцать третьего февраля егеря начали укладку поклажи в только что пригнанные из корабельной мастерской сани. Получились они на загляденье: устойчивые, крепкие и в то же время легкие. Кожаный верх закрывал от непогоды груз и ездовых, а широкие полозья давали надежду на большую проходимость.

– Так-то и по грязи их, пожалуй, можно даже катить, – чесал голову Леонтьев Михаил. – Вона, Саввушка Ильин нам рассказывал, что у лопарей олени даже и летом санки таскают, и ведь ничего, ну, может, только чуть медленнее. А тут вон, их конские двойки будут по дороге тянуть.

– Посмотрим, – вздохнул Алексей. – Морозы прошли, днем уже солнышко хорошо припекает, нельзя нам ни дня сейчас терять. Все загружайте поплотней. Чтобы уже к ужину все бочки плотно увязаны были и груз в кузовах равномерно лежал. Потом к саням караул выставишь, Михаил.

– Есть, ваше высокоблагородие! – кивнул капрал. – Будет исполнено! Ну, чего ты мнешься, Карпыч? Иди уже, иди, потом ведь поздно будет! – кивнул он топчущемуся рядом ветерану.

– Ваше высокоблагородие, разрешите обратиться! – как видно, набравшись храбрости, тот подошел строевым шагом к полковнику.

– Обращайся, конечно, Иван Карпыч. Ты чего это так по-уставному, словно бы опять служишь в армии? – удивленно спросил Лешка, внимательно осматривая отставного сержанта.

Того было не узнать. Одет в егерскую старенькую шинельку, подпоясан широким солдатским ремнем. На голове уставная егерская каска с волчьим хвостом, и сам гладко выбрит и пострижен. Нет той длинной седой бороды, к которой все уже давно привыкли. Одни лишь пышные усы на лице да густые косматые брови.

– Ваше высокоблагородие, господин полковник, прошу вас зачислить меня в особый егерский полк! – выкрикнул браво ветеран. – Хочу под вашим командованием турку воевать, хоть даже и в ездовых али в обозных, но только бы с вами! Обузой не буду, Ляксей Петрович, – тряхнул он протезом. – Не станет энта штуковина мне помехой, вот вам крест, – и, ловко стянув с головы каску, перекрестился.

– Вот те раз! – удивленно протянул Егоров. – Да ты чего это удумал, Карпыч?! А как же поместье, как Елкин там без тебя?! Года ведь уже солидные, ну какой из тебя солдат? На покой нужно, сам ведь о мирной жизни когда-то мечтал, о деревне, избе, вспомни! Там же спокойно тебе, раздольно, сытно и тепло. Сам ведь себе хозяин!

– Ляксей Петрович, не вели казнить, разреши объясниться?! – воскликнул ветеран и, увидев кивок командира, зачастил: – Спасибо, ваше высокоблагородие, и спокойно и раздольно

мне в поместье, и сытно и тепло там, но не могу я уже вот эдак, в тиши, словно бы бирюк, сидеть. Посмотрите на меня, ну каким я только что был? Ведь истинным дремучим дедом уже успел стать, оброс, окосматился совсем. Еще немного – и ведь в домовину будет впору ложиться, да на погост. Потапке я и вовсе не помощник, он ведь с Иваном Кузьмичом Лазаревым, с тестем Курта, да с приказчиками и всякими там учетчиками все больше крутится. А я ему что? А я в грамоте никак не преуспел. Только лишь обузой им там всем выступаю да под ногами мешаюсь. Вами ведь приказано было им со мною тоже дело вести, вот они и мучаются, бедолаги, да все пытаются меня, дурня старого, к хозяйству пристроить. Но ведь не мое это все! Самое большое – это ежели с колотушкой сторожевой мне у амбара стоять. У всех у них ведь семьи свои опять же, детки большие и малые, ну а мне это куда? Солдатская артель – вот моя семья с самых парней! Костер бивуака – мой дом, а верная жена – ружье. Не гоните, Ляксей Петрович, помру я там, в нашем Егорьевском, очень быстро с тоски. А ведь ежели и помирать, то уж лучше под полковым знаменем да с барабанным боем. Вот это славно, вот это по-солдатски, на мирú, а не как одинокий барсук в норе!

– Эх, Карпыч, Карпыч, – вздохнул Алексей и, развернувшись, пошел в дом.

– Ваше высокоблагородие, ну, может, возьмем все же дядьку с собой? – около крыльца переминался с ноги на ногу Лужин. – Мы перед вами всем обществом сейчас низкий поклон бьем, ходатствуем, так сказать, со всей покорностью и надеждой.

– «Ходатствуют» они, – проворчал Лешка, поднимаясь по ступенькам. – Сержант, почему у вольноопределяющегося Зубова ремень не уставной, без стрелкового егерского патронташа, как и положено?! Почему у него фузеи и пистоля до сих пор нет?! Он что, не в егерском полку у нас службу несет? На ногах чуни какие-то вместо сапог! Разболтались тут на отдыхе! Чтобы через час по всей форме и при полной амуниции уже был, и меня не волнует, где вы все это найдете! Ходатаи! Лично мне об устранении замечаний доложишься! – и, зайдя в дом, громко захлопнул за собой дверь.

– Ваше высокоблагородие, благодарствую! – донеслось глухо с улицы. – Мы это щас, мы это мигом! Все будет как положено!

* * *

– Ну не плачь, не плачь! – успокаивал, обнимая жену, Алексей. – Люди ведь смотрят. Ты же офицерская жена, целая полковница, – и вытер Катарине на щеке слезинку.

– Папенька, а ты скоро с войны вернешься? – дергая за полу шинели, пропищал Колька. – Ты всех врагов победишь и опять на Орлике к нам приедешь, да?

– Скоро, конечно же, скоро, сынок. – Лешка взял на руки младшего. – Настенька, ты уже большая, помогай во всем маме. Ну а тебе, Ильюшка, пробиваться во взрослую жизнь! Мужчина уже! Вон какой богатырь! Мне уже по плечо, – подмигнул он самому старшему.

Также прощались со своими близкими Гусев Сергей и Леонтьев Михаил. Даже возле Лужина крутилась крепкая молодка. Отца Валентина провожала вся покровская паства. Каждого подошедшего к нему он осенял крестом, говорил что-то взрослым, шептал молитву и гладил по голове детишек. В голос ревел Егорка, не желая отлипнуть от Курта.

Проводы затягивались.

– По коням! – резко скомандовал Егоров, вставляя ногу в стремя. Дюжина всадников запрыгнула в седла, пятеро возничих – в санные повозки, и небольшой отряд двинулся под крики толпы в путь.

– Михаил, уверен в ледовой дороге? Хорошо просмотрели переправу? – задал вопрос едущему рядом с ним Леонтьеву полковник.

– Так точно, ваше высокоблагородие, – ответил уверенно капрал. – Два дня проверяли переезд. Две ближайšie полыньи и одно тонкое место мы с ребятками шестами с навязанной

материей отметили, а так по самому переходу высокие вехи всюду выставили. Как раз неподалеку от нашего хутора та самая ледовая дорога проходит. Помните, в свое время еще диду ваш караван по ней переводил? Вы за это его еще фузеей одарили. Вот именно по ней же мы и сегодня Буг перейдем.

– Рискованно все же, – покачал головой Гусев. – Вот только недавно большая оттепель была, а ну как на реке сейчас лед истончился? Все же и сани у нас хорошо эдак загружены. Может, лучше было бы через Ольвиополь ехать? Там ведь и переправа надежная с мостом.

– Это ведь лишний крюк более чем в сотню верст, господин подполковник, – покачал головой Мишка. – Два лишних дня пути нам прибавится. Да вы не волнуйтесь, мы все с тщанием проверили: выдержит лед наши повозки. Два раза уже прогоняли одну с еще бóльшим грузом. У наших и полозья шире, чем у обычных. Обязательно выдержит!

– Все, решили ведь уже, едем по Леонтьевской переправе, – пресек дальнейшие прения Алексей. – Михаил, бери пятерку егерей, и скачите вперед, распределяй и выстави людей на реке так, чтобы их хорошо видно было, особенно возле тех полыней, про которые только что говорил.

Сани медленно скользили по обозначенной вехами дороге. Речной лед тихонько потрескивал, но все же держал тяжелые повозки. Все ездовые по приказу Егорова скинули тулупы и оставались налегке, чтобы, если что, у них оставался шанс выплыть. Первая повозка с егерем Евсеем миновала опасный участок. Вот подъехали две с правящими лошадьми лекарями. Венедикт и Онисим сидели бледные, крепко сжимая в руках вожжи. Для них такое было впервой. Не привыкли они еще к смертельному риску и к большой опасности.

– Медленней, медленней, Онисим! Да тише же ты едь! – закричал встревоженный Михаил и бросился к следующей за Устимовым, третьей, повозке. – Я же ведь говорил: не прижимайтесь на реке друг к дружке. Шагов двадцать чтобы между вами расстояния было! Обоих ведь погубишь, балда! А ты, наоборот, быстрее едь! – крикнул он растерявшемуся лекарю. – Никому не стоять на месте, иначе лед треснет! Подхлестывай лошадей!

Обошлось, проехали опасный участок лекари, а вслед за ними миновали его сани с отцом Валентином и Карпычем. Через несколько минут весь отряд перебрался на правый берег Буга и остановился на короткий отдых. Егеря проверяли повозки, конскую упряжь и укладку груза. Все было в полном порядке, и отряд смог продолжить свое движение на запад. Через двое суток осторожно проехали через реку Тилигул и после нее начали принимать к югу в направлении приднестровского Тирасполя.

Март пришел в Бессарабию с волнами тепла, наплывающими со стороны моря, а шестого числа начал накрапывать дождик, и уже через пару дней дорога превратилась в грязную кашу. Долгую стоянку теперь делали днем, ночью подмораживало, и ехать в это время было удобнее. К Днестру подкатали утром десятого.

– Остаемся для отдыха на два дня! – распорядился Алексей. – Можно было бы и одним обойтись, да лошадям уж больно тяжело, замаялись бедные. Как бы они совсем у нас не пали, по Молдавии-то еще тяжелее будет идти.

Чуть подморозило, и полторы сотни верст от Тирасполя до Ясс отряд проехал за трое суток. Пока егеря выпрягали из саней лошадей и готовились встать на отдых, Алексей проследовал с Гусевым и Шмидтом в главную армейскую канцелярию.

– Зря вы так спешили, Алексей Петрович, – отмахнулся знакомый секунд-майор. – Главкомандующего сейчас нет-с, и поговаривают, что он еще очень нескоро к войскам из столицы прибывает. У него-с нынче очень важные дела при дворе имеются, – и, метнув быстрый взгляд в стоящих подле полковника Сергея с Куртом, прикрыл свой рот ладошкой. – Ну-с, господа офицеры, все положенные отметки о вашем прибытии к месту службы из отпуска я вам сделал и не смею более задерживать. Алексей Петрович, а вы бы прямо сейчас и отправлялись к генерал-аншефу на аудиенцию, поговаривают, что они-с хотели завтра с утра в Бендеры отъехать

для инспектирования стоящих там полков. Ну и заодно поохотиться в тамошних Днестровских плавнях. Не ехать же вам следом за ним. Столько времени зазря потеряете.

– Понял, Антон Федорович, спасибо вам за подсказку, – поблагодарил начальника армейской канцелярии Егоров. – Я всенепременнейше именно так, как вы советуете, сейчас и сделаю. Сергей, вы тогда с Куртом идите к егерям, а я представлюсь и уже чуть позже к вам подойду, – распорядился Алексей и направился на второй этаж дома, занимаемого командованием всей Южной армии.

– Рано вернулся, – так же, как только что в канцелярии, отреагировал на появление Егорова и его высокопревосходительство. – До конца мая, пока совсем не просохнут дороги, у нас здесь, полковник, никакого серьезного дела не предполагается. Тем паче что без его светлости нам ничего не велено даже и думать затевать. Так что вы остаетесь со своим полком пока так же при дивизии генерала Суворова. Сторожите наш восточный фланг и приглядывайте у Серета за союзниками. У них там сейчас какое-то непонятное шевеление происходит. Месяц назад в Вене скончался император Иосиф II, а его преемник Леопольд проявляет пока что непонятную сдержанность в отношениях с нами, и мы сейчас не знаем, каковы вообще планы австрийцев по продолжению этой кампании. Хотел я уже было забрать вас от Александра Васильевича и перебросить западнее, к Гудовичу на Дунай, где и предполагаю дальнейшие баталии этого года, да, видать, пока еще рановато это сейчас делать. У меня к вам вопросов никаких нет, так что, господин полковник, можете быть свободны.

Егоров отдал честь и вышел из приемной генерал-аншефа Меллера.

Отдохнув два дня в Яссах, отряд отправился на юг, в сторону Бырлада. Впереди было две с половиной сотни верст весеннего, разбитого ненастьем пути. Кони с натугой тащили сани по покрытой водой дороге. Проехали городок Хуши, то место, где семьдесят лет назад войска Петра I были окружены превосходящей армией турок. До Бырлада оставалось еще около ста верст. Отряд вступил в большой лесной массив, и на одном из затяжных подъемов пала первая лошадь.

– Ляксей Петрович, вон тех двух, что слева, тоже нужно, как и этих трех, выпрягать, – сказал Карпович, подходя к полковнику. – Еще версту-две, ну, от силы, может, даже и три они пройдут, и потом все, тоже непременно падут. Измаялась вусмерть наша скотина.

На обочине дороги с понуро опущенными головами стояло уже пять лошадей. Половина от всего тяглого состава. Мокрые и заляпанные грязью, они производили удручающее впечатление.

– Иван Карпович, а если нам строевых расседлать да вьючных и заводных в сани впрячь, а самим рядом пешком идти? – предложил ветерану Алексей.

– Да на строевом коне мы ведь тоже далеко наши сани не утянем. Не то это все, вашвысокоблагородие, – отмахнулся тот. – Надобно на постой нам вставать, причем дней на пять, и то это самое малое. Как бы даже и на неделю не пришлось. Иначе ведь всех упряжных потеряем, а до места все одно так и не доедем.

– Недельная стоянка! Да у нас там дальше и вовсе тогда дороги не будет, Иван Карпович, – воскликнул огорченно Алексей. – Сейчас-то вон, хоть по грязи и по ледяной кашнице тянемся, а там ведь еще немного – и по земле волочить сани придется.

– Да была бы скотина долгой дорогой не измотана, так и выдержала бы, – пожал плечами Зубов. – Ну, ты сам, Алексей Петрович, посмотри на них, – кивнул он на вымотанных животных.

– Лужин, Федор! – крикнул сержанта Егоров. – Что тут у нас с жильем? Есть где на постой возле дороги встать?

– Дык из больших селений, вашвысокоблагородие, Хуш, этот городок, только лишь был, – откликнулся Цыган. – Верст десять мы от него уже отъехали, а теперяча до нашего Бырлада только лишь одни малые хутора по дороге будут. До ближайшего как раз, небось, верст пять и

осталось. Да там всего-то три дома было. Я в ту дорогу на Буг ведь передовым был, так заходил в один из них за водой. Грязные избы, шибко бедно там валахи живут.

– Да нам-то чего эта грязь? Самим бы обогреться да скотину под крышу пристроить, чтобы отдохнула и маненько обсохла! – воскликнул Карпович. – Ты вот вспомни: сараюшки, навесы там были? Скотинка вообще есть у хуторян?

– Да вроде были, – пожал плечами Лужин. – Как же это селянам – да вообще без скотины жить? Да не помню я уже, сдалась она мне, мы ведь тогда к Бугу спешили.

– Э-эх, а еще ведь дозорный командир! – подколот Федора Карпович. – «Не помню». Такой, как ты, должно-он все вокруг примечать, чего вдруг глазом не увидел и ухом не услышал, хоть носом своим чуй. От скотины-то, небось, запах аж за полверсты разносится.

– Да ты меня словно рекрута поучаешь, дядь Вань, – усмехнулся Лужин. – Я вот своих молодых точно такими же словами укоряю за какой их недогляд. Да была, была вроде там скотина. Коли не было бы, так меня бы самого это удивило да в голову запало. А так все, как и обычно, на этом самом хуторе было.

– Так, ладно вам тут гадать, было – не было, – прервал беседу старых знакомцев Алексей. – Лужин, берешь пятерых и скачешь в тот хутор. Проверишь все там, с валахами договоришься о постое. Серебро им покажешь, скажешь, что скупиться мы не будем. На вот, держи задаток, – и протянул сержанту несколько турецких монет. – Это чтобы они гостеприимнее к нам были. А мы перепряжем коней и потихоньку к вам подтянемся.

Затяжной подъем преодолели, поставив в упряжь строевых коней. Повозки вместе со скотиной теперь толкали и люди. Дальше дорога пошла под уклон, и идти стало немного полегче. Все вымокли с головы до ног и уже шли по грязным разливам, не выбирая пути.

У хуторян удалось выторговать барана, немного сыра и лепешек.

– Очень мало еды, господин, – качал головой смуглый валах. – Едва сами концы с концами сводим. Серебро – это, конечно, хорошо, но даже на него не всегда можно купить чего-нибудь в том краю, где гремит война.

– Федор, отогреешься, переночуешь, заберешь с собой пятерых и скачи к нашим, – наставлял сержанта Егоров. – Доложишь Милорадовичу, что мы здесь от них помощи ждем. Сто верст туда, плюс обратный путь, думаю, дня через четыре вполне себе можно будет вас ждать.

– Слушаюсь, господин полковник, – вытянулся унтер. – Тогда я пятерку Дрозда с собой возьму, в смысле Дроздова Савелия. А Леонтьеву накажу внимательнее тут быть. Время нонче худое, лес вокруг, а вас всего-то вон дюжина. Да и то из них трое вообще не бойцы – это батюшка и лекаря. Да и Карпыч, чего он с одной рукой-то сможет?

В больших котлах кипело мясное варево, печи натопили, и сохнувшая одежда мужчин, находящихся третью неделю в дороге, добавила свою нотку в аромат грязных валашских изб. Но самое главное – тут было сухо и тепло.

Глава 4. Бой на хуторе

Еще не до конца рассвело, а шесть всадников уже ускакали по дороге на юг. Карпыч с подлекарями вышли проверить груз и покормить коней. К ним присоединился и отец Валентин.

– Ваше высокоблагородие, мы тут с Ужом, ну, то есть Иваном Тришиным пробежались вокруг хутора, – докладывал Леонтьев. – Свежих следов человеческих в ближайшем подлеске не заметили, да это и немудрено в такую-то непогоду. Но вот тут неподалеку еще и пара выездов на большую дорогу есть, а на одном из них видны следы недавней расчистки. Похоже, там кусты кто-то убирал, чтобы повозки могли свободно пройти. Пробежаться бы по тому лесному проезду не мешало да оглядеться хорошо, кто это там и зачем шастал. Местные-то глаза круглыми делают, говорят, что никакого жилья там и вовсе не может быть, одни лишь дальние покосы на лесных полянах. Не нравится мне что-то все это, как будто бы темнят валахи. Недоговаривают и чего-то боятся. Ведь явно же видно, что хорошо набитая та дорога. Я даже по обдеру кустов, по боковинам понял, что совсем недавно проезжали там повозки. И не раз и не два ведь причем это было.

– Нет, Михаил, дальнюю разведку я делать вам запрещаю, – как отрезал Егоров. – Для этого у нас сейчас просто-напросто нету сил. Хуторским доверять я бы тоже не стал, мы ведь для них совершенно чужие. Так что поблизости вполне даже могут быть лихие люди, которые им гораздо ближе. Главное сейчас для нас – это дождаться помощи и не будоражить местных. Тут ведь дело какое: мы их не трогаем – глядишь, и они к нам тогда не ползут.

– Что, ваше высокоблагородие, никак какие вести худые Мишаня принес? – кивнул на капрала подошедший от лошадей Карпыч. – А я смотрю, они Федьку с верховыми отправили – и нырк эдак тихонько в кусты. Видать, разнохивали чего?

– Давай, Леонтьев, расскажи Карпычу все свои опасения, – кивнул Егоров. – Он воробей у нас стреляный, пускай тоже подумает, что да как.

– Да-а, чевой-то тут непросто, – крикнул, выслушав всю историю разведчиков, ветеран. – Я ведь тоже в сомнениях пребываю. Ночью же на двор из избы выходил, так шаги чьи-то слышал. Не во дворе чавкали, а подальше, немного в стороне. А чего, сейчас с эдакой грязью далеко ведь слышно.

– Дядь Вань, так это, может, наши караульные были? – протянул недоверчиво Леонтьев. – По трое же в ночь их выставляли, вот один какой-нибудь самый настырный и ходил-то дальней округой.

– Ага, как же, – хмыкнул Карпович. – Они все трое у крыльца дома стояли. Я им говорю еще: вы чего это, балбесы, словно овцы, тут сгуртовались? А кто же окрестности держать будет? Обиделись на меня, разошлись.

– Ладно, чего уж тут гадать, – вздохнул Алексей. – Может, мы, конечно, из ничего здесь сейчас свои опасения раздуваем, однако поберечься все-таки нужно. Так, Карпыч, ты перевози все сани вот сюда, на этот двор, – махнул он рукой. – Коней тоже в этот сарай и под навес ставь. В помощь тебе наши лекари будут, парни они крепкие, и ты у них, как я погляжу, в уважении. Михаил, из своих еще пару человек в помощь Карпычу выделишь. Нас всего здесь дюжина, в одной избе всем будет очень трудно разместиться, но, видимо, придется, другого выхода я тут просто-напросто не вижу. Только вот так, всем вместе, а не раскиданным по трем хатам, нам и можно будет в случае чего держать оборону. Местным это, конечно же, не понравится, но ничего, приплачу хозяевам за неудобство.

На удивление хозяева занимаемого отрядом дома такому решению русских не огорчились. Взяв предложенные деньги, вся семья быстро собралась и ушла в дальний, стоящий у самого леса дом.

– Хоть бы поворчали или поторговались для вида, – покачал головой Карпович. – Уж больно легко они этот дом покинули, не находите, Ляксей Петрович? – спросил он у командира. – Все-таки ведь на совершенно чужих людей его оставляют.

– Да-а, странно, – согласился со старым солдатом Алексей. – Как будто бы даже и рады были все отсюда уйти. Так, ладно, дежурить будем по очереди, делимся все на три караула. Костяком в каждом у нас будут егеря. Для лекарей, не имеющих боевой сноровки, самое главное – это не уснуть на посту, слушать и глядеть в оба глаза. Эх, в одном карауле человека не хватает. Ну, ничего, значит, трое будет.

– Хватает, Алексей Петрович, – с улыбкой сказал отец Валентин. – Вы же меня не посчитали. Я хоть и без оружия, а тоже своих товарищей буду рад посторожить. А слух у меня дюже острый, вы даже не сомневайтесь, нам его в церковном хоре семинарии святые отцы хорошо поставили.

– Ну, хорошо, батюшка, для нас сейчас любая помощь будет важна, – согласился Егоров. – Вы, главное, если вдруг бой начнется, никуда наружу не выходите, находитесь только лишь за стенами и молитвой нас укрепляйте. Всем остальным проверить свое оружие. Капитон, погляди, чтобы у лекарей с их ружьями все было в порядке, поучи их быстрой зарядке, как вообще целиться нужно, они-то пока в этом деле совсем даже не сведущие, – приказал он бывалому егерю. – А все командиры, и ты, Карпыч, пойдете со мной на двор, оглядимся там.

– Ежели кто и будет набегать, то это, небось, в ночи, так им вернее нас пересилить, – высказал свое предположение Зубов. – Они же ведь тут все кустья и каждую малую кочку, в отличие от нас, знают.

– Это да, днем на воинское подразделение, пожалуй, ни у какого разбойника духу явно лезть не хватит, – согласился с ветераном Егоров. – Позиция у нас тут неплохая, ближайшая хата шагах в ста, а следующая за ней, та, что у самого леса, так и еще дальше стоит. Здесь все вокруг открыто и днем прекрасно просматривается. Только и подкрадываться к нам ночью. Так что темнота – это и есть сейчас наш самый главный враг.

– Ляксей Петрович, а может, так же, как и в первую кампанию, и тут нам содейть? – предложил дядька, внимательно осматривая окрестности. – Небось, помните, когда мы у хутора лесника засаду туркам устроили, изрядно их тогда побили, а все потому, что с умом и хитростью подготовились. И двор весь подсветили, и стрелков расположили удачно, чтобы во все стороны бить, ну и людей тогда было, конечно, побольше. Это тоже нужно признать.

– Да помню я, Иван Карпович, – кивнул Егоров. – Там Курт еще пулю в ногу получил. Небось, до сих пор в непогоду чешется, а, господин прапорщик?

– Никак нет, господин полковник, не чесаться, – хмыкнул тот. – Кость совсем целый остаться, а рана быстро зараста.

– Вот и хорошо, надо, чтобы вообще безо всяких ранений обошлось. Как же это нам без главного оружейника-то в полку быть? – с улыбкой сказал Егоров. – Ладно, шутки шутками, а нам нужно думать, как теперь здесь можно подсветить весь двор. По стрелковым позициям тут все понятно. Пару караульных мы выставим у верхнего продуха и чердачного оконца вот в этом сарае, – кивнул он на стоящее в паре десятке шагов от избы строение. – Вход в него как раз напротив двери в дом расположен, так что прикроем ребятку, чтобы никто к ним вовнутрь не пробрался. Значит, двое наших караульных наверху в этом сарае сидят, а двое будут во дворе стоять, слушать и весь его оглядывать. Как только горячее начнется, их дело – это под тот навес с дровницей нырнуть. Они оттуда как раз будут тот подход у дома прикрывать, где у него глухая стена. Ну а если костры закладывать, как думаете, где бы лучше? – спросил полковник у окружающих его командиров.

– Да по кругу, наверное, вашвысокоблагородие, – предположил звеньевой Тришин. – Подальше от домов, чтобы издали на подходе врага примечать и прицельно по нему бить.

– Ага, скажешь тоже, Ванька, по кругу, – хмыкнул Леонтьев. – У нас чего тут, возы, что ли, этих дров? В такой вот сырости из леса ничего путного не вытащишь, только если какой хлам из сараев, ну и из дровницы немного полешков подкласть. Да и то полежит все это полдня под открытым небом и ни в жизнь ведь, когда приспичит, не разгорится.

– Это да-а, – согласился с егерями Карпович. – Сильно сырое, оно, конечно, гореть не будет. Но у нас в таком деле господин прапорщик – большой умелец. Ваше благородие, сумеете из подручного такую горючую смесь сделать, чтобы она ярко и долго горела, хоть даже и в сырость?

– Сделать можно, – немного подумав, ответил Курт. – Только придется вскрывать тот бочка, что мы везти в полк на санях. В кузов для полковой интендант есть скипидар, смола, воск, топленный жир и масло. Если все это смешать и добавить некоторый мой особый добавка, то гореть будет так, что никакая вода не потушит костер, пока все не выгореть.

– Тогда выкладываем три приличных костра треугольником, – решил Егоров. – На них мы уж точно дрова найдем. Посмотрите в сараях жердины, старые бочки, на чердаках вон еще проверьте. Соломы туда же прессованной заложите и все горючим пропитайте. Еще с десятков факелов можно на всякий случай сделать, чтобы подсвечивать ближние подходы. Так, братцы, костры – это, конечно, хорошо, а как же нам их запаливать? Совсем близко к дому их выставлять глупо, так мы в первую очередь себя же будем освещать, а не нападающих. Нам надо, чтобы они в шагах пятидесяти, а то и семидесяти от избы расположились. А туда и факелом никаким не докинешь, попробуешь только ближе подойти – сразу подстрелят.

– Зажигательный пуля, – пожал плечами Курт. – Я же сказал, что она нам может пригодиться, а вы мне тогда не верить.

– Так у нее ведь из-за этой внутренней полости никакой точности нет, – покачал в сомнениях головой Егоров. – Мы ведь ее с тобой так до ума и не довели!

– Так точно, господин полковник, не довести, – согласился с командиром главный оружейник. – Но пять-семь десятков шагов – это для нее хороший дистанций. Я даже и за сто из своего штуцера часто попадать, правда, днем, но думать, что сумею справиться.

– Ладно, хорошо, тогда вы, Курт Оттович, вместе с Карпычем костры устраивайте, – принял решение Егоров. – Сделайте так, чтобы вам было их удобно воспламенять этой своей зажигалкой. А теперь давайте еще раз все вместе вокруг пройдем и подумаем, что бы нам еще здесь приготовить для встречи незваных гостей.

Темнеет на юге очень быстро, вот только что солнце стояло над верхушками деревьев леса и было светло, а не прошло и четверти часа, как землю окутали густые темные сумерки. Первую ночную смену нес караул во главе с капралом Леонтьевым. Сам он с егерем Фролом прохаживался у дома, а егерь по кличке Малой сидел с подлекарем Устиновым у оконца прохода на сеннике сарая.

В доме поужинали. Кто-то дремал на широких скамьях, кто-то штопал поизносившуюся за долгую дорогу одежду, а Капитон все учил второго лекаря Стринадко правилам быстрой зарядки ружья.

– Вот так вот лучше скусывай патрон, Онисим, – негромко наставлял парня пожилой егерь. – Да слюни-то свои не пускай на порох, он шибко сырости боится. Крепко зажал зубами самый кончик, резко рванул патрон вбок, и эдак горловинку-то его пальцами сразу расправляешь. Тебе ведь через нее засыпать и в замок и в дуло порох еще нужно. Будет плохо расправлено – половину точно в спешке мимо просыплешь. Ну вот, на полку замка сыпанул, большим пальцем мимоходом курок тронул – ага, на месте кремень, надежно он зажат винтом в губках. Щелк сразу крышку на место. Все-е, вот теперь уже порох никуда не убежит. Можно его и в дуло засыпать.

– Карпуш, ну хватит уже, – попросил товарища командир звена. – Завтра учить молодых будешь, а то мне через смену караулить, а эти три часа, что до нее осталось, только и будет одна

ружейная зарядка снится. А мне бы лучше Дашеньку во сне увидеть, соседскую девку, что через дом от нашего жила. У нее глазница такие большие, голубые, словно бы весеннее небо, а губы какие сладкие, медовые. Коса толстая, ниже пояса. Вся она такая крепкая, справная. Э-эх!

– Ванька, хватит тебе уже народ травить! – выкрикнул из-за печки один из егерей. – Уж лучше бы и дальше Капитоха бубнил, чем ты тут о своих бабах калякаешь. Ну никакого покоя от вас всех нет! Один весь вечер шомполом о ствол елозит, другой соседскую деваху вспоминает, а мне уже на караул скоро вставать!

– Все, все, все, – поднял обе руки вверх Уж. – Извиняйте, братцы, увлекся. Молчу я, молчу!

С улицы зашли Курт вместе с полковником.

– Ваши благородия, сюда вот, к стеночке пожалуйста, – прошептал Карпович. – Вам вот здесь, на этих скамьях постелено. Тут хоть почище маненько будет.

Первая ночь прошла спокойно. Утром, на рассвете, пришел хозяин, чтобы все проверить и покормить скотину. Первым делом он обошел весь большой двор, потарашился на заготовленные егерями костры, на двух караульных, толкущихся у дверей его хаты. Покачал головой и, ничего не сказав, пошел в сарай.

– Тсс, – Алексей, сидя на втором ярусе, на сеннике, прижал палец к губам. Онисим понятиливо кивнул и крепче сжал свою фузею.

Напоив скотину и задав ей корм, валах вышел на улицу. Он опять постоял на дворе, внимательно все оглядел и, не говоря ни слова, ушел в сторону дальнего дома.

– Ну, вот, это, считай, как бы проверка была, – проговорил Егоров, вглядываясь через небольшое чердачное оконце на улицу.

– Ладно, он хоть наверх не полез, – прошептал подлекарь. – Ох, я испужался, Алексей Петрович. Вот он по лестнице залез бы – и чего бы мы ему сказали?

– Здравствуйте, Драгош, – с улыбкой ответил Лешка. – Мы у вас тут отдыхаем, а то вон в избе уже и дышать нечем.

– Ну коне-ечно, так бы он вам и поверил, господин полковник! – засмеялся Онисим. – А в руках-то у нас вона чего – ружья. И пистолы с гренадой совсем рядом лежат.

– Ну, ведь не полез же, – пожал плечами, ответил Алексей. – Ладно, обошлось ведь, сейчас уже к нам смена придет. Чуешь, как съестным запахло? Это значит, что ребята завтракают перед заступлением в караул. Они должны постараться незаметно сюда пройти, и нам вот так же придется отсюда тайно выходить. Ты, Онисим, бочком, бочком пройди вдоль стены сарайки и потом уже возле навеса с дровами к дому выходи. А я с другой стороны, от конского загона подойду. Кто же его знает, а вдруг за нами уже приглядывают со стороны? Сейчас-то уже вон как хорошо просветлело. Издалека можно чуть ли не весь двор просматривать. Не хотелось бы такую удобную позицию да прежде времени возможному неприятелю выдавать.

Прошла еще одна ночь. Все было спокойно. Никакого шевеления в лесу или в соседних домах наблюдающими замечено не было. Так же утром и вечером приходил хозяин-валах, кормил свою скотину и внимательно оглядывал весь двор. Попробовал он было зайти в дом, но дороге ему преградил караул.

– Не велено никого пушать! – пробасил Фрол. – Тут воинский отряд русской императорской армии на постое стоит. Внутри полный порядок, вот завтра-послезавтра, как только мы уедем, тогда и зайдешь.

– Завтра уезжать? – переспросил валах, развернулся и, что-то бурча себе под нос, пошел прочь.

– Смотри, Данила, как он озаботился! – кивнул стоящему рядом напарнику караульный. – По-русски ведь даже заговорил, а то ведь раньше все время только лишь по-своему балакал.

– Да все они, Фрол, тут понимают, только вот дурными прикидываются, – хмыкнул Данила. – Надо бы господину полковнику поведать, он приказал, чтобы о любой мелочи ему напрямую докладывать.

– Ваше высокоблагородие, а может, и не будет никакого набега, а? – протянул, переминаясь с ноги на ногу, капрал. – Может, мы зря это все тут, ну, с этим, со вторым своим постом в сарайке затеяли? И одного бы вполне себе даже хватило. Нам ведь осталось от силы одну ночь тут пересидеть. Небошь, уже завтра сюда наши подспеют. А так бы отдохнули перед дорогой.

– Дурья твоя башка, Мишка! – воскликнул, встав с лавки, Карпыч. – Еще раньше, в самый первый день, как мы прибыли, сказал бы такое – так и ладно бы. Но вот не в эту, не в последнюю ночь тебе гундеть. Если тут чего около нас и затевается худое, то случится оно вот-вот, уже нонче будет должно. Сам же, небошь, слышал недавний рассказ Фрола с Данилой. И звеньевой твой Ваня Тришин, которого вы Ужом кличете, какой-никакой, а все же сумел сегодня разглядеть свежий след в подлеске. Не зря он на рассвете по грязюке ползал. Ну, точно Уж, правильно вы его нарекли.

– Так, может, это они сами нас сторожатся, а, дядь Вань? – не сдавался Леонтьев. – Ну да, сидят на лесной поляне, на малом хуторке с десятков гайдуков и любого шороха боятся. Щиплют они, может, потихоньку местных купцов да торгашей всяких. А тут-то вон, аж цельный воинский отряд при хорошем оружии, – кивнул он на составленные у стен штуцера и фузеи. – Им лишь бы сейчас в покое усидеть да внимание служивых к себе не обратить. Вот они и лазают, оглядывают нас издали и сторожатся. Ну и местных тут на хуторе подговорили, чтобы они, значит, за нами присматривали.

– Вполне себе и такое тоже может быть, – опередил с ответом Карпыча Алексей. – Ну, вот мы и проверим их в эту ночь. Не ползет к нам никто – хорошо. Ну а коли ползет... Гранад у нас, жаль, маловато. Вот прав ты был все-таки, Курт Оттович, когда предлагал мне побольше их снарядить. Достали бы сейчас целый ящик из саней да всем бы по паре раздали. А так только у троих в звене в подсумках они имеются. Ну да ладно, хотя бы пусть шесть штук, но имеем. Так, караульные смены у нас в эту ночь будут следующие...

Вторая ночная смена подошла к концу. Сменившийся караул залезал в хате на освобожденные лавки, а новый уже вслушивался в ночь.

– Ты, Венедикт, ружейку-то на сено положи, – посоветовал лекарю Капитон. – Рядышком с собой ее держи и не трогай пока. А то ненароком вдруг в темноте стукнешь, а железный звон – он ведь в ночи ох как далеко разносится.

Где-то в стороне стоящего у самого леса дальнего дома забрехала собака, потом она вдруг резко взвизгнула, и над хутором вновь повисла тягучая черная тишина.

– Слышал, Малой? – кивнул напарнику Тришин. – Чего это Барбоса так резко угомонили? Так-то, ежели его хозяин поленом огрел, он бы хоть завывать, заскулить должбн. Ну а коли кто чужой был, не замолк бы так быстро. Ты это, давай-ка на всякий случай к дровнице отступишь и уже там наготове стой. А я немного вперед пройду и около самого костровища встану. Ежели вдруг поджигать буду, то крикну – прикроешь меня.

– Понял тебя, Вань, – кивнул напарник, взводя курок своего ружья. – Ты там, гляди, осторожнее, возле костра долго не задерживайся. Сам ведь понимаешь, при его свете словно бы на ладони открытый будешь.

– О как, слышишь, как будто бы сапоги по грязюке чавкают? – толкнул локтем лекаря Капитон. – Да чего ты за ружье-то сразу хватаешься? Наш это идет, от дома и в сторону костровища. Только вот почему он один? Ага, а второй караульный, видать, у дома остался. Непонятно. – И, проверив кремень, он щелкнул взводом курка.

В сторону двора и хаты, занимаемых егерями, явно шли какие-то люди. И, судя по тому шуму, какой доносился сейчас до ушей Тришина, было их немало. Как бы ни пытались они

подойти незаметно, но распутица такой шанс им не дала. Вот, видно, кто-то из них поскользнулся и стукнул железом о железо.

– Ах вы ж гаденыши, – негромко выругался егерь. – Все-таки не усидели у себя в лесу, не выдержали, полезли в самую последнюю ночь.

Достав из-за пазухи пропитанную смолой тряпицу, он положил на нее трут и ударил кремнем о кресало. Искры вылетели вокруг маленькими молниями, Иван подул, но хорошо высушенный мох не загорался.

– Да чтоб тебя! – чертыхнулся егерь и раз за разом все продолжал бить по огниву. Ну, вот наконец задымился и трут, еще немного – и он, ярко вспыхнув, воспламенил пропитанную горючим составом тряпицу.

Всего лишь в паре десятков шагов от егеря раздались встревоженные крики.

– Давай, давай, ну, гори же! – засунув тряпицу в костровище, Тришин кинул на нее лежащую здесь же просмоленную паклю и с удовлетворением отметил, как теперь вспыхивает и разгорается яркое пламя.

«Бам! Бам!» – ударили в темноте два выстрела, и одна из пуль рванула бок полушубка.

– Ванька, беги, рядом они! – выкрикнул от дома Малой и выстрелил в еле видимую ему тень.

– Ах ты ж зараза! – вскрикнул Капитон при первых грохнувших внизу выстрелах. – Обожди-ка, Веня, не спеши, – и сдвинул в сторону ствол ружья у напарника. – Куды ты палить-то собираешься, видишь, какая там темень? Себя только раньше времени обнаружишь!

– Так враг ведь наступает, Капитон Федотыч! – взволнованно ответил ему лекарь. – Отбиваться же надо!

– Отобьемся, паря, – пристально вглядываясь в оконце, тихо проговорил егерь. – Не бойсь. Вон, видишь, наши уже один костер подпалили, еще маненько – и вся цель будет видна. А вот и она. – Он прищурил левый глаз и выжал спусковой крючок.

«Бах!» – в замкнутом пространстве сарая так оглушительно грохнуло, что Венедикт непроизвольно пригнулся и прикрыл оба глаза.

– Е-есть один, – пробурчал Капитон и выдернул из рук лекаря ружье. – Чего ты сидишь, дурья твоя башка?! А ну-ка, быстро заряжай ружжо!

Устинов схватил разряженную фузею напарника и трясущимися пальцами откинул полку ударного замка.

«Бам!» – под крышей ударил второй выстрел, и Капитон обернулся к лекарю.

– Ты чего трусишься?! Вон порох из патрона просыпал! Соберись с духом, лопух, а то сейчас плюху получишь!

После этого злого окрика солдата Веню как будто бы враз отпустило, и пули в стволы с егерем они заталкивали шомполами уже в одно время.

– Ты к тому, к боковому продуху ползи, – скомандовал Капитон. – Тут-то все с этими понятно, здесь они всем скопом, дурём вместе прут. А ну как кто и сбоку вдруг еще ползет! Чегой-то наши пока медлят. Уже и там должны бы костры запалить. Если что вдруг увидишь, так сразу кричи, я к тебе на помощь тут же метнусь!

«Хлоп!» – что-то с большой силой ударило по крыше рядом с чердачным оконцем. «Хлоп!» – и вовнутрь сарая влетело несколько щепок.

– Ах ты ж шинора ¹! – выругался зло егерь. – Как же близко подкрался. Ну, на, получи! – Опять бухнул выстрел, и Капитон, отшатнувшись от окна, начал зарядку ружья.

– Курт, тот, что справа, самым первым зажигай! – скомандовал Алексей, выбивая прикладом комок меха из бокового оконца хаты. – Там совсем не освещено, как бы они к хате или к сараю не подкрались!

¹ Проньра (старорус.).

Часть двора уже подсвечивалась ярко разгоревшимся костром, но добрая его половина все еще оставалась в темноте.

– Не надо волноваться, господин полковник, – с ухмылкой, спокойно проговорил Курт и, выставив из продуха ствол своего штуцера, плавно выжал спусковой крючок. – Шайсе! – выругался он и достал из патронташа еще один патрон с красной полоской. – Ты быть прав, Алексей, он лететь хоть куда, но никак не в цель! Ничего, ничего, – и, затолкав большую пулю в дуло, немец вновь тщательно прицелился.

Бам!

Шагах в сорока от хаты засветилась искра. Потом эта искра превратилась в маленький огонек, и уже через дюжину ударов сердца там запылало яркое пламя.

– Капито-он! Там люди! – выкрикнул Венедикт, увидев в свете разгоравшегося костра несколько темных фигур.

Все происходило как будто бы не с ним. Запах пороха, гром выстрелов и эти люди, вдруг разом вынырнувшие из темноты.

– Стреляй! Я пустой! – крикнул ему егерь, засыпая порох на полку замка. – Стреляй, Венька! Стреляй!

Лекарь высунул в оконце ствол, навел на цель и, прищулив левый глаз, потянул за спусковую скобу.

«Бабах!» – оглушительно ударил выстрел.

– А-а-а! – внизу на подступах к сараю кто-то пронзительно заорал.

– Ну ты и молодец, паря, – к Устинову подсел Капитон. – Неужто же с первого раза попал? Вот же ведь везет новичкам! А ну двинься! – и высунул в оконце ствол своей фузеи. – Не видать никого, только твой подранок на земле крутится. Похоже, они уже под самой стеной, худо будет, ежели до входа доберутся.

Он достал единственную их гранату и воспламенил ее фитиль. Чугунный, покрытый пупырышками картечи шар с шипеньем упал за стену сарая. Там оглушительно громынуло, и по бревнам ударил град осколков. Внизу кто-то протяжно и коротко взвыл.

– Прости господи, – перекрестился егерь, скинув каску. – Не мы первые это начали.

Через несколько секунд бахнул разрыв второй гранаты. Из-за дровницы вели бой Уж с Малым.

– Они коней угоняют! – крикнул в сторону хаты Тришин и, выскочив из-за навеса, выстрелил в мечущиеся у лошадиного загона людские фигуры. С той стороны хлопнуло в ответ сразу несколько выстрелов, и егерь, упав в грязь, схватился за бедро. Малой подхватил его под мышки и волоком затащил за поленницу.

– Никому не вылезать! Всем стоять на своих местах! – закричал Егоров. – Куда ты лезешь, капрал?! Веди огонь! Не давай им близко к нам подойти!

Курт своей последней зажигательной пулей наконец-то сумел подпалить третий костер, и теперь весь двор хорошо освещался. Алексей в последний раз выстрелил в только одному ему видную цель и шумно выдохнул:

– Ну, все, кажется, мы отбились, братцы. Во всяком случае, пока никого более не видно. Всем перезарядиться! Не вылезаем, ведем наблюдение!

Костры продолжали еще долго пылать, и потом один за другим они погасли. Перестал кричать и лежащий возле сарая раненый. Над хутором повисла напряженная тишина.

До утра ничего более не происходило. Подстреленного в ногу Тришина перетаскивали в дом, и вернувшийся из караула Устинов обихаживал со вторым лекарем ему рану.

– Кость цела, Алексей Петрович. – Венедикт показал полковнику зажатый в клещах свинцовый кругляш. – В рану материя от одежды и немного грязь попали, резать теперь нужно и промывать обильно.

– Занимайтесь, ребятаки, главное, спасите мне егеря, – попросил Егоров. – Воды больше кипятите, спиртусом все обрабатывайте. Для вас теперь это дело главное, а уж со всем остальным мы и сами как-нибудь справимся.

В сарай перебежали Курт с Леонтьевым.

– Смена, Капитон! – крикнул егерю капрал. – Спокойно у тебя здесь, ничего не примечал в округе?

– Да нет, никакой кустик не шелохнется, – покачал тот головой. – И в соседних хатах как будто все вымерло, только один раз баба из самой дальней к колодцу подбежала, воды быстро в ведро набрала и обратно припустилась. А так все спокойно.

– Ну-ну, – хмыкнул Леонтьев. – Без воды-то оно, конечно, плохо, без воды оно совсем никак. Ну, ладно, Капитош, ступай в дом, там тебя сейчас накормят. Карпыч остатки бараньей похлебки разогрел. Только вот сторожко перебегай, вона как с утраца распогодилось, видать, хорошо вокруг стало.

– Да ладно, тут до самых ближайших кустьев больше сотни шагов, – махнул рукой егерь. – Да и нет там никого, я в оба глаза глядел.

Потянулось время ожидания. Около раненого неотрывно сидел кто-нибудь из лекарей. Крови он потерял много и вызывал у них беспокойство.

– А может, наши вообще только лишь завтра сюда прискочат? – проворчал Карпыч и загремел ведрами. – И чего мы тут, словно бы в норе, сидим? Ляксей Петрович, мне бы водицы чистой набрать. Вон, лекарям кипяченая нужна, да и нам для готовки. Ну чего, мне ее из лужи возле крыльца, что ли, черпать? Здесь-то она вся гнилая, с навозной жижей. К колодцу бы нужно идти.

– А если они не уgomонились и залегли где-нибудь неподалеку? – проговорил с сомнением Алексей. – Сюда-то после ночного боя побоятся лезть, а вот издали вполне себе могут стрельнуть.

– Да и пусть пуляют, господин полковник. Далеко же, – махнул здоровой рукой ветеран. – Чай, нет там хороших ружей и умелых стрелков, не егеря же они. Дайте мне пару ребятков для прикрытия поспоростей, мы и воды принесем, и разведем заодно.

– Ваше высокоблагородие, нас с Фролом отпустите? – попросил невысокий худенький егерь. – Мы с ним верткие, если что, за любую малую кочку спрячемся.

– Это потому тебя Малым прозвали? – с улыбкой спросил его полковник. – Ладно, чистая вода нам действительно нужна. Я в сарай со своим штуцером, а вы через несколько минут из хаты выходите.

Троица неспешно, оглядывая все вокруг, шла к колодцу – вкопанному в землю срубку с нависшим над ним «журавлем» – толстой жердиной с грузом на одном конце и привязанной деревянной бадьей на другом.

Алексей, прикусив нижнюю губу, напряженно вглядывался из чердачного продуха в свой сектор. Вокруг все было спокойно, ни веточка не шевельнется, ни вспорхнет из кустов испуганная неловким движением птица. Может, и правда он преувеличивает опасность? Простые ведь, небось, разбойники-оборванцы были, а не подготовленные к настоящему бою солдаты. Увидали, что охрана у служивых совсем маленькая, да зато коней у них добрых много и сани тяжело нагружены. А еще, небось, и местные им всяких басен понарасказывали, что тут аж целый полковник застрял, который серебром шибко богатый. С шеи у него золотая пластина на цепи свисает, на груди кресты с шелковыми лентами, и сабля на боку вся в серебре. Да и вообще, у всех остальных тоже при себе оружие отменное. Ну, вот и потекли слюнки у гайдуков. А чего, сторожат хату всего лишь двое, все же остальные в это время дрыхнут. Прирезать их во дворе по-тихому, а потом и остальных в доме, да и дело с концом. Но вот тут вдруг оказия случилась. Маленький воинский отряд был готов к ночному бою и устроил гайдукам

горячую встречу. Все, что они смогли получить, – это дюжину угнанных коней и одиннадцать своих трупов, которые до сих пор еще лежат темными кочками среди грязи.

– По-моему, неравноценный обмен, – сделал вывод своим рассуждениям Алексей и прижал приклад штуцера плотнее к плечу. Карпыч с егерями наконец-то подошли к колодцу и теперь набирали из него в свои ведра воду.

Журавель со скипом склонял конец своей жердины вниз и потом поднимал ее вверх уже вместе со жбаном воды.

Но вот все ведра были наполнены, и троица пошла неспешно назад. Сто шагов оставалось ей до занимаемого отрядом двора, как вдруг раздался резкий возглас Леонтьева:

– Кусты, кусты вон шовблятся, рядом со сломанным деревом! Слева от него!

Лешка в ту же секунду, буквально не целясь, послал пулю в указанное капралом место. Может быть, именно этот спонтанный выстрел и спас кого-то на дороге. Все трое с ведрами резко порскнули в стороны, а Карпыч так и вовсе упал сразу на грязную землю.

«Бам! Бам!» – грохнуло два ружейных выстрела из кустов. Дымок указал точное место стрелков, и следующие два выстрела с чердака сарая били уже прицельно.

– Кажись, попали! – возбужденно выкрикнул Мишка, выдергивая из поясного патронташа новый патрон.

– Не знаю, – покачал головой Курт. – Я стрелять в тень за кустом, хорошо, что там совсем не быть никакой листва. Но попасть или нет, я не могу сказать точно. Тень сразу пропасть, и я больше ее не видеть.

Перебежками, припадая по дороге к земле, троица «водоносов» добралась до своего двора и сразу же нырнула в хату. Вслед ей не раздалось более ни единого выстрела.

– Ну что, сходили по воду? – выбравшись из сарая, вслед за егерями вовнутрь заскочил и Егоров. – Много ли с собой ведер принесли?

– Да какой там, вашвысокоблагородие, – развел грязными руками Фрол. – Как только пули начали свистеть, так мы уже на земле были. А Карпыч вообще самый первый на дорогу упал.

– Повоюешь с мое – тоже такой же вот прыти наберешься, – проворчал ветеран, счищая грязь с полушубка.

– Ладно, главное, все живы и никто даже не ранен, – сказал с удовлетворением Алексей. – А ведь хорошо сидели эти в кустах, тихо. Только лишь в самый последний момент их сумел Леонтьев разглядеть. Я-то навскидку в них бил и вряд ли попал, а вот Курт с Мишкой – они вполне могли бы. Ну, все, убедились, надеюсь, теперь, что нужно и дальше сторожиться? – обвел он взглядом всех присутствующих. – То-то же! Из дома – никому ни ногой! Пока наши не приедут, караулим у продухов с ружьями. Чай, уж не попрем денек без воды? Главное, чтобы для раненого она была.

Прошло несколько долгих часов ожидания, и уже после полудня с южной стороны с дороги раздался шум подходящей кавалерии.

– Вашвысокоблагородие, наши, наши идут! – раздался крик наблюдателя с чердака сарая.

Часть прибывших всадников рассыпалась по двору, осматривая лежащие трупы, а добрая половина, спешившись, начала прочесывать окрестности вокруг хутора.

– Ваше высокоблагородие, дозорная рота в полном своем составе вместе с казачьей полусотней прибыла в ваше распоряжение! – выкрикнул доклад весь заляпанный грязью поручик. – Спешили, господин полковник, как чувствовали, что быстрее к вам нужно!

– Вижу, молодцы, Тимофей Захарович, – с улыбкой сказал Егоров, оглядывая знакомые лица разведчиков. – Быстро же вы добрались. Да хватит вам уже обниматься! – крикнул он Мишке. – Господин поручик, капрал Леонтьев покажет вам лесную дорогу к тому месту, где еще могут оставаться нападавшие. Берите сотню людей и проверьте там все тщательно. Здесь же достаточно будет и одного плутонга.

Большая часть егерей с приданными им казаками унеслась по лесной дороге, а оставшиеся стаскивали к опустевшему конскому загону трупы.

– Ваше высокоблагородие, на дворе одиннадцать было, – доложил вскоре Аникеев. – И вон из тех кустьев, у сломанного дерева, мы двенадцатого вытащили. И рядом еще кровь есть, капли ее по следу в лес тянутся. Ребятки по нему побежали, но не знаю, ежели рана слабая, то далеко может уйти. А я сказал, чтобы перед темнью они назад все возвращались.

– Все правильно, Борис, – кивнул Алексей, рассматривая лежащие трупы и сложенное здесь же оружие. – Однако, – покачал он с удивлением головой. – Не такие уж это и обычные разбойники. На половине из них жупаны арнаутов, и вооружены очень неплохо. Хотя все оружие и разномастное, но, помимо сабель, почти что у всех ружья при себе, и даже четыре турецких пистоля было.

– Ваше высокоблагородие, там это, там ребятки в дальнем доме кое-что интересное нашли, – доложил подбежавший к Егорову капрал. – Мы окрестный лес весь прочесали, а потом еще по всем дворам и их строениям пролезли.

Алексей зашел в темную, освещаемую лишь одним жировым светильником хату. Здесь стояли три егеря при фузях с надетыми на них штыками. Испуганные семьи валахов сгрудились все в одной половине. В напряженной тишине слышалось лишь глухое постанывание.

– Здесь он лежит, вашвысокоблагородие, – кивнул на дальний угол капрал.

На топчане лежал бледный человек. Рядом на скамейке стоял деревянный таз с мутной, темной водой и какими-то тряпками. Капрал выбил искры на трут, и раздув осветил весь этот угол.

– Ах ты, Дрэгос, Дрэгос, – сказал с укоризной Алексей, рассматривая лежащего перед ним хозяина предоставленного егерям дома. Стянув часть покрывала, он покачал головой. Темная опухшая рука валаха была завернута в окровавленные тряпки. В тазике, в багрового цвета мутной воде лежали какие-то грязные лоскуты.

– И вот еще, вашвысокоблагородие, – один из егерей, зайдя в дом, протянул Егорову короткий кавалерийский карабин. – Мы его в сарае нашли. Глядим, а там сено как бы недавно разворошенное. Вилами туда потыкали, а там вона чего звякнуло. И вот еще что рядом лежало, – стукнул он по оголовью длинного широкого кинжала – бевута. – Так-то добрый османский клинок.

– Да такой же разбойник, как и те! – зло выкрикнул стоящий рядом капрал. – Вздернуть его надо, днем он вам улыбался, а по ночам ружжо свое заряжал и клинок точил.

При этих словах пара егерей дернулась в сторону раненого, а одна из валашек громко взвыла. За ней следом разревелись и дети.

– Отставить! – громко скомандовал Алексей. – Тут я буду решать, что, с кем и когда делать! Капрал, бегом в наш дом, зови сюда лекарей Устинова и Стринадко. Пусть они все свои причиндалы с собой захватят. Да-а, и пару светильников еще пусть возьмут. Здесь с одним темно уж больно. Всем остальным из хаты выйти! И местных тоже выведите, чтобы не мешали, – кивнул он на толпящихся у дальней стены валахов.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, виноват! – вытянувшись по стойке смирно, гаркнул капрал и пулей выскочил за дверь. Вслед за ним, подталкиваемые егерями, вышли и все валахи.

– Господин, семья, дети, не убивать, – приподнявшись с топчана, прошептал раненый. – Меня убивать, жена, дети нет вина. Я не хотеть зла, я говорить – не нападать на русский солдат. Но Марку – он сказал: надо напасть, русский мало, а их добро очень много.

По бледному лицу Дрэгоса градом тек пот, все его тело дрожало. Было видно, как тяжело валаху дается эта его речь.

– Лежи, никто не будет убивать твою семью, – вздохнув, сказал Алексей. – Да и ты уже свое получил, и похоже, что сполна. Ответь мне только на вопрос, Дрэгос: кто такой Марку и его люди, и откуда у них столько оружия?

Раненый в изнеможении упал на топчан, собрался с силами и через минуту снова горячо зашептал:

– Марку есть сотник арнаутов. Он долго служить господарям Александру Ипсиланти и Маноле, османам и русским. Но потом что-то произошло, он уйти с частью людей со своей службы и стать сам себе хозяин.

– Все понятно, я примерно так и предполагал, – проговорил негромко Егоров. – Как видно, по этой причине и стойкость в отряде при нападении. Отсюда неплохое оружие, амуниция и одежда. Ладно, прощай, Дрэгос, это твое, теперь мы с тобой в расчете, – и, положив на скамью столбик мелких серебряных монет, вышел из хаты.

К дому с большой кожаной сумкой и со светильниками в руках подошли лекари.

– Там, на топчане, в углу раненый из местных лежит, – кивнул себе за спину Егоров. – По-моему, ему руку ружейной пулей раздробило. Вы поглядите, ребятки, что там с этим можно поделывать, – и пошел к месту прежнего квартирования отряда.

Через четверть часа из дома раздался громкий, истошный вопль. Одна из стоящих в толпе валахов баб кинулась к двери.

– Куды?! – Капрал с одним из егерей перехватили ее и оттащили от двери подальше. – Не велено никого вовнутрь пущать! Понимаешь, что я тебе говорю? Не бойсь, там лекаря наши трудятся!

Вскоре открылась входная дверь, на крыльцо вышел Онисим и выплеснул вбок кровь из бадьи.

– Вы это, вы прикопайте ее, что ли, где-нибудь, – сунул он капралу матерчатый окровавленный узелок. – Нехорошо как-то, ежели собаки али какой другой зверь будет таскать.

Служивый развернул узелок, и стоящая рядом с ним баба осела прямо в грязь. Из ткани на свет божий смотрела человеческая пятерня.

– Ну а чего мы с Веней тут вообще поделывать-то могли? – сказал, словно бы оправдываясь, лекарь. – Там обе кости в локте совсем пулей раздробленные. А все главные жилы так и вообще полностью перебиты. Кровь из нижней части руки совсем по ним не проходит. Черная она уже стала, мертвая, эта кровь, с эдаким гнилым запахом. Еще немного – и по самое плечо бы пришлось руку резать, а так вон, хоть какая-то культя останется. Главное, что жить будет! Через пару дней совсем бы от огневицы вусмерть сгорел, – и, зайдя в дом, с силой захлопнул за собой дверь.

– Ну да, без руки крестьянину та еще эта жизнь, – пробормотал капрал и, осторожно закрыв пятерню тканью, сунул узелок в руки егерю. – Митроха, иди-ка ты это, прикопай ее, что ли, где-нибудь на задах. Небось, и сам только что слышал: не дело это, когда человеческую плоть зверь грызет.

Уже в сумерках на хутор прискакали посланные на лесную дорогу.

– Господин полковник, на лесном хуторе были застигнуты пятеро! – доложил командир дозорной роты. – Сдаваться они не захотели, так что пришлось их там же отстреливать. Наших двоих, гады, подранили, вот ребятки на них-то и озлобились. В плен никого не взяли. Вы уж извините, теперь нам и допросить-то выходит, что некого.

– Ладно, поручик, что нужно, я и сам уже узнал, – махнул рукой Алексей. – Их там, в логове, гораздо больше должно было быть. Следы вокруг посмотрели?

– Так точно, – кивнул Осокин. – Лесом все остальные, по самой чаще от хутора уходили. Сержант Лужин говорит, что если по следам судить, то десятка два – это уж точно – их там было. И чего эти с остальными не пошли, непонятно. То ли они около раненого оставались, то ли еще чего. Бог их знает. У одного из той пятерки вроде как нога прострелена. Кстати, у него и одежда и оружие гораздо лучше были, чем у всех остальных, – и он передал в руки полковнику турецкий кылыч в богатых, отделанных серебром ножнах.

– Да, смотри-ка, хорошая сабля, – покачал головой Алексей, обнажив клинок. – Такую не менее чем сотнику пристало иметь. Ты не находишь, Тимофей?

– Да, может, даже и повыше, господин полковник, – согласился с ним Осокин. – Я вот такую же у командира такого ² под Фокшанами отобрал. Тяжеловатая она, конечно, но зато рубит не хуже, чем янычарский ятаган. Эх, жаль, все-таки остальные удрали. Мы бы и рады были по их следам пробежаться, да ведь вы же велели засветло возвращаться, а там, в лесу, уже и не было видно ничего.

– Все верно, поручик, – кивнул разведчику Егоров. – Нечего нам на них время тратить и жизнями своих людей рисковать. Неопасные они уже теперь, основной костяк их ватаги выбит, а все остальные по округе разбредутся, так их или же наши, или турки потом все одно кончают.

– Ваше высокоблагородие! – в хату протиснулся Лужин. – Мы с казаками всех коней наших собрали. Не побили их эти злыдни, просто всех на волю отпустили. – В лес-то с ними, в самую чащу, ну, ведь никак же не зайти, – частил радостный Цыган. – И Орлик там ваш тоже был. Вон он, у крыльца уже стоит.

– Ну, вот и ладно, – вздохнул облегченно Алексей. – Хороший конь, умный, и детвора моя его шибко полюбила. Так, Тимофей, Федор, передайте всем: ночуем здесь, а рано поутру выезжаем. Коней вы много с собой пригнали, так что будем их почаще в санях менять.

² Эскадрон.

Глава 5. Бырлад. Весеннее стояние

Весть о прибытии отряда полковника разлетелась со скоростью молнии по всему Бырладу. Заляпанных грязью путников встречали, кроме егерей, драгуны, мушкетеры пехотных полков и гренадеры фанагорийцы. Распутица надежно отрезала третью дивизию Суворова у вышедшего из берегов Серета от всей остальной русской армии. Две недели уже не поступало сюда никаких вестей с «большой» земли. Не было и подвоза провианта.

– Братцы, Карпыч, Карпыч приехал! – Пара десятков седоусых егерей тискала в своих объятиях отставного солдата. Расталкивая их, к ветерану пробился пожилой унтер.

– Ванька, ты?! – крикнул он, кидаясь к Зубову.

– Живой, живой, старый пень! – крикнул тот в ответ, тоже бросаясь навстречу сержанту.

– А я уж думал, не увидеться нам с тобой более, – расчувствовавшись, смахнул слезу со щеки инвалид. – Ну, вот куда уж мне, да с моей-то культей?! А вот же гляди, Макарович, и опять мы с тобою вместе. Прямо как и не было этих самых шестнадцати долгих годков!

– Бра-атка! Не верю я, что это ты! – Макарыч все не выпускал из своих объятий друга. – Да как же это ты вдруг здесь-то оказался?! Ты же ведь в поместье вместе с Потапкой сейчас должно-он обретаться? Ах, Федька! Ну и зараза! И ведь ничего мне не сказал, ирод, про тебя! Где теперяча эта черная шлында прячется?! – и он обернулся, выискивая среди людей Цыгана. – Иди, иди сюда, стервец! – наконец заметил он в толпе смуглое лицо Лужина. – Я вот тебе сейчас весь твой чуб на клочки-то повыдергаю!

– Илья Павлович, принимай раненых! – заметив подходящего к повозкам полкового врача, распорядился Егоров. – Трое их тут у нас. Тяжелых никого среди них нет, но в дороге растрясло порядком ребят. А это к тебе в помощь из Херсонского госпиталя два новых лекаря прибыли: Устинов Венедикт и Стринадко Онисим, – представил он Дьякову молодых медиков. – Господин Войнович их лично рекомендовал, говорит, что смышленные они парни. Вот, в дороге уже и боевое крещение даже приняли.

– Господин полковник, вас хоть не оставляй одного, ну ведь никак без приключений не обойдетесь, – покачал головой Живан, наблюдая, как подлекари перекалывают из саней на носилки раненых. – Лужин ведь как чувствовал, что поскорее нужно обратно скакать. Весь грязный, исхудавший к нам с дороги прибыл, и так ведь он сам смуглый, а тут и вообще, словно бы арап, почернел. Прискакал только и сразу кричит вместо доклада: «Быстрее, быстрее отряжайте людей, господин подполковник! Место там, где наши сейчас остались, совсем нехорошее! Худое шибко место! Нужно поскорее к Ляксею Петровичу возвращаться!»

– Ладно, все обошлось, – устало вздохнул Алексей. – Теперь-то, считай, что уже дома. У вас-то как тут? В полку все ли в порядке? С турками стычек не было?

– Да в порядке, а чего нам? – пожал плечами Милорадович. – Боевых действий по причине крайней распутицы никаких уже давно не ведется. Воюем мы лишь с грязью, со вшами да с неустроенностью. Дозорные десятки уходят сейчас в поиск, словно бы на каторгу, а по возвращении долго еще отмыться не могут. И когда уже тут только все подсохнет, вот же всегда здесь на юге с этим такая беда. С моря постоянно сырой воздух сюда задувает, земля только вот от снега освободилась, а еще ведь и дождь вторую неделю непрерывно идет. Только за порог хаты шагнешь, а там каша. Все малые ручьи сразу полноводными реками стали, а каждая лужа как озеро. Потому и учбу мы ведем на месте, в местах квартирования плутонгов. А так, собственно, все как обычно, ничего интересного здесь не происходит. Изредка если только кто по местным значным местам побродит, напьется там да подерется сдуру. Ну а потом, как и положено, неделю выгребные ямы в месте постоя чистит. Но это уже, как я сказал, редкость. Александр Васильевич периодически всем проверки устраивает, фанагорийцы чего-то учудили недавно, так два дня в полях, в грязи по колено строевыми экзерциями занимались.

К нам у него серьезных замечаний никаких не было, так что, думаю, не стыдно будет по прибытии представляться. Ну да ты и сам скоро у него все узнаешь, он вот только на неделе про тебя спрашивал, уточнял, когда ты вернуться к полку будешь должен.

– Понял, сегодня же как только приведу себя в порядок, так сразу же и пойду, – сказал Егоров, сбивая комья грязи с сапог. – Так-то вот неудобно неухоженным к генералу являться. Александр Васильевич, он ведь аккуратность и порядок во всем уважает.

– Вашвысокблагородие, вы уж не обессудьте, обожди маненько вот тут вот, на этой скамеечке, поет пока барин, – Прощка чуть подвинул лавку подальше от входа, – чтобы вам не дуло, а то ведь сыростью так и веет с улицы, – пояснил он Алексею.

За дверью личных покоев генерала слышалось громкое пение. У Суворова была каждодневная привычка послеобеденного чая петь по нотам духовные концерты Бортянского и Сарття. Продолжалось это обычно у него не менее часа. Петь духовные песни Александр Васильевич очень любил, мог он и прислуживать вместо дьяка в храме. Голос при этом имел сильный, глубокий и басистый.

Наконец за дверью все стихло и денщик выскочил из соседней комнаты с ведром ледяной воды и медным тазом в руках.

– Прощка, ну где ты там бродишь? – донеслось из комнаты, и Дубасов, распахнув дверь, нырнул вовнутрь.

Через пару минут послышалось фырканье и довольные выкрики:

– Лей, лей, не жалей, чтобы водица по всей спине ручейками текла! Ах, как же она хороша! Ах, какая она ледяная-то у тебя нынче! Ну ты и угодил мне сегодня, Прощка! Стопочка тебе за ужином полагается. Ну, все, все, ступай теперь, разотрусь насухо и сейчас же одеваться буду. А ты мне адъютанта с письменными делами покамест позови!

– Барин, там полковник егерский, Ляксе́й Петрович который, он твоего приема в горенке ждет, – пробасил Прохор. – Может, он раньше того адъютанта к вам зайдет? Давно ведь там сидит, все ваши песни уже выслушал.

– Егоров, Алексей, ты ли там?! – выкрикнул из соседней комнаты командир дивизии. – Заходи сюда, я уже и мундир надел!

– Ваше высокопревосходительство, полковник Егоров из краткосрочного отпуска к месту постоянной службы прибыл! – громко доложил Алексей, вскинув ладонь к виску. – Готов выслушать ваши приказания!

– Ух ты, какой шумный! Я тут только что пел, старался, так ты ведь даже громче меня голосишь! – с улыбкой проговорил генерал, осматривая Алексея своим искристым лукавым взглядом. – Рад, весьма рад я, что ты так рано до армии добрался. Больших дел у нас из-за распутицы пока что никаких нет. Однако это хорошо, когда хозяин в любой воинской части на своем месте пребывает. По твоим егерям у меня неудовольствия никакого не было. Службу они, несмотря на непогоду, несут вполне себе исправно. В дурных делах замечены не были. Еще недельки три мы пока подождем, чуть просохнет в округе, и думаю, что для вас тоже дело сыщется. С диспозицией наших войск ты хорошо знаком. Общее представление о неприятеле имеешь, так что я даже и к карте тебя подводить не стану. Для нашей дивизии задача его светлостью, князем Потемкиным, не менялась – это, как и прежде, удержание правого фланга русской армии от всякого неприятельского действия. Ну и, собственно, связь с действующей здесь же армией союзников под началом принца Кобургского. Цесарцы, в отличие от нас, сумели в прошлом году воспользоваться плодами побед после сражений под Фокшанами и Рымником и заняли большую часть Валахии. Главная зимняя квартира у них сейчас находится в Бухаресте, и все расположение австрийских войск говорит о том, что они намерены и далее продолжить свое наступление на юг, в сторону Дуная. А там у нас что? – задал он быстрый вопрос своему собеседнику и сам же на него прямо сразу ответил: – Правильно, полковник, сам все знаешь, бывал там не раз. А там остается последняя и самая сильная османская твердыня на левом

берегу Дуная – крепость Журжи. Та крепость, возле которой в прошлую войну было пролито столько нашей крови. Замысел Фридриха мне понятен, я бы и сам, как он и планирует, точно так же поступил – овладел бы этой последней крепостью турок на нашей стороне и выбил их всех за Дунай. Огромная река надежно бы обезопасила правый фланг всей нашей армии от неожиданного удара неприятеля, а самому вполне можно было бы планировать дальнейшее наступление на Румелию. А еще лучше бы переправиться на правый берег, взять решительным штурмом Силистрию и совершить марш к Констанце, отрезав всю огромную группу неприятельских войск у Измаила, Тульчи и Браилова. Не знаю, конечно, насколько хватит духа у принца Кобургского, но то, что у него есть право на самостоятельные действия от своего императора, – это, Алексей, дорогого стоит. Тут он с развязанными руками в отличие от нас. И все равно из-за распутицы раньше чем через месяц цесарцы на Журжу ни за что не пойдут, так что и у нас тоже время подготовиться к переходу имеется. Сейчас становится худо с провиантом, и мы переходим на пищу долгого хранения, как та же солонина. Мало у нас и боевого припаса, подходит к концу фураж для коней. Но все это не будет иметь большого значения, если главнокомандующий, наконец, примет решение помочь союзникам. Тут уж мы и с одними сухариками до Журжи добежим. А там: «Ура! Ура!» – и на штык османа, в его лагере провиант себе добудем! Но их светлости в войсках пока что нет, и когда он к ним из столицы прибудет, достоверно никому неизвестно. Генерал-аншеф Меллер же принимать любые серьезные решения без одобрения главнокомандующего не вправе. Он сам мне буквально месяц назад об этом рассказывал, когда я предлагал ему двинуть дивизию вперед по твердым пока еще и не раскисшим дорогам. Вот так мы и воюем, полковник! А что же поделать? – развел руками Суворов. – Ждать? Ничего-о, попомни мои слова, Егоров: как только совсем жарко под Журжи станет, так наши союзнички быстро найдут, как и где им на их светлость надавить, дабы поскорее для себя помощь истребовать. А я ведь принцу еще осенью говорил: «Согласовывайте, Ваше высочество, с Григорием Александровичем загодя все совместные действия». Так нет же, самонадеянность и жадность тут правят бал! Не хотят австрийцы с нами славой делиться. Надеются они в одиночку всю османскую журжевскую группировку разбить и с того все лавры себе получить. Ну-ну, вот и поглядим, как же без русского солдата у них там это получится! Ну а пока, Алексей, занимайся полком. Далеко в поиск своих егерей не отпускай. Тут рядышком, верст на десять-двадцать пусть отходят. А там уж и видно будет, как события на юге развернутся. Я, как только дорога наладится, все одно в штаб армии отправлюсь за новыми приказами.

* * *

Прошел месяц март. С провиантом становилось все хуже. Выручали запасы долговременного хранения в виде солонины, сухарей и зерна. На подворьях, занимаемых интендантской службой полка, тыловики и дежурные помощники из рот дробили пшеницу, мололи на самодельных мельницах и потом обжаривали ячменную муку. Засоленную в бочках свинину они не менее пяти раз промывали сменяемой ледяной водой, а потом еще около суток она у них отмачивалась в огромных бадьях. Только после этого ее можно было класть в котлы с крупой, и все одно каша получалась весьма соленой.

– Эх, в поход бы, что ли, уже пойти, – вздохнув, сказал Южаков. – На пригорках уже вон, носок сапога трава закрывает, на цветах пчелы жужжат, а в низинах воды по пояс, все ручьи да реки в разливах.

– Рано покамест нам в поход идти, – потянулся, вставая с лавки, Фадей. – Далеко ты не уйдешь, мигом твои ноги словно бы чугунные станут. С них ведь грязь что сбивай, что не сбивай, а все одно она тут же на них обратно налипнет. Не-е, правильно Степан, который из ротных вестовых, сказывал, что раньше середины апреля даже и думать не могли о походе. Вот

скоро их высокопревосходительство в главную квартиру армии съездит, глядишь, и для нас что-нибудь прояснится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.